

СЕМЬ Ночей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евсения Медведева

Евсения Медведева

Семь ночей

Серия «Богатые не плачут», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69813835

SelfPub; 2023

Аннотация

Меня унизили и выбросили полуголой на мороз... Поиграли, как с безвольной игрушкой, не имеющей права выбора. Конечно! Ведь они – мужчины! Они – сила, у ног которых распластался весь этот порочный мир. У них власть, деньги, и мужские законы! А у меня? У меня только жгучее желание выжить! И я сумела! Бросилась под колёса машины, в которой сидел ОН! Моя любовь, моя нежность. Он спас, защитил и заставил влюбиться! Принц? Нет... В его глазах пляшут черти. Он мстителен, упрям и одержим мной до безумия. У него так много тайн... Но пока у нас есть всего семь ночей, чтобы познать любовь. Пока нас не разлучили навсегда. Навсегда? ХА! Да он спалит все, к дьяволу, только бы я вновь оказалась в его руках. Вернее, уже спалил...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	58
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	84
Глава 12	89
Глава 13	96
Глава 14	104
Глава 15	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Евсения Медведева

Семь ночей

Глава 1

– Твою мать...!! – хрипло выругался водитель за мгновение до того, как машину стало бросать из стороны в сторону, как пустую жестяную банку. Лэптоп слетел с колен, звонко ударившись о мини-бар, а документы взмыли в воздух и рассыпались плотным белоснежным ковром по салону «мерина».

– Фёдор!!! – зарычал я, когда, не успев выставить руку, со всей силы приложился лицом к окну. Резкая боль взорвалась вспышкой, а перед глазами всё потухло, словно занавес рухнул.

– Шеф, вы в норме? – Федька перегнулся через сиденье, потрепал меня по плечу и стал суетливо расстёгивать свой ремень безопасности. – Чокнутая! Ну, я ей сейчас покажу...

Аккуратно сжал нос. Крови нет. Выдохнул с облегчением, достаточно геморроя, что мастерски организовал мне центральный офис накануне сделки, перелома ещё только не хватало. Тряхнул головой, чтобы собрать хаос из разрозненных мыслей. Ещё раз ощущал переносицу и только после это-

го отодвинул плотную шторку.

Высоченные сугробы доходили до середины окна, пряча за собой частую посадку ельника. Ветер был совсем не декабрьским, он с силой врезался в бочину моего джипа, застывшего поперёк старой объездной дороги, по которой уже почти никто не ездит, чем и приспособился пользоваться мой водитель, объезжая вечерние пробки.

Холодный свет фар рассекал пелену бурана, подсвечивал сумасшествие искрящейся снежной взвеси в воздухе и фигуру Фёдора, так неестественно нависшего над искорёженным сугробом.

Я толкнул дверь, подцепил рукой ледяной ком снега и приложил к носу. Все же мне перед советом директоров через два дня выступать, неудобно будет просить неприличное количество нулей на завиральный проект с фингалом вместо носа.

– Федя, ну что там? – ветер заглушал мой голос, делал его беззвучным, похожим на шепот.

Водитель был явно не один... Да и сидел он на корточках не у колеса, как показалось мне сначала, а скорее у бампера.

То ли ветер забрался под полы пальто, то ли предчувствие знакомым мне холодом сковало всё внутри.

Нет, не показалось...

Вдруг порыв стихии прекратился, и непроглядный занавес льдинок стал опадать на землю, позволяя мне рассмотреть тонкую женскую руку на белоснежном покрывале снега.

Кожа её была синюшного цвета с огромными алыми кровоподтёками, хаотично разбросанными от локтя до запястья.

– Какого хрена? – я буквально бросился туда, чтобы убедиться, что не чудится мне всё это. Блядь... Это как самый ужасный кошмар, от которого ты не просто просыпаешься, а начинаешь умирать с открытыми глазами, пытаешься сделать хоть один спасительный вдох.

– Босс! Это не мы! – Федька отпрыгнул от тела к капоту, и я словил ступор. – Я не сбивал её! Ну не видел я её!

Передо мной в распахнутой белоснежной шубе лежала молоденькая девушка в одном кружевном белье красного цвета. Ноги её были как-то неестественно изогнуты, руки безвольно раскинуты, а лицо больше походило на отбивную. В белоснежных, почти платиновых, волосах запутались льдинки и рыхлые комья снега, стремительно окрашивающиеся в багряный цвет.

– Жива? – я рыкнул на растерявшегося Фёдора. Тот замер как истукан, лишь растерянно повторяя: «Это не я! Это не я!».

Склонился над девушкой и стал искать пульс. Кожа была странной на ощупь, будто покрытая тонкой коркой льда. Признаться, было страшно даже просто касаться. Она напоминала куклу из фильма ужасов годов этак девяностых, над которой измывалась компания наркоманов на заднем дворе школы. Федька, может, в состоянии шока не заметил, но характер её увечий мало похож на последствия ДТП, скорее уж

на следы полного разгула, причем по кругу и не без извращений. В груди кольнуло от жалости. Бедная девочка, ведь совсем молоденькая, чтобы вот так сдохнуть на обочине заброшенной трассы.

Может, проститутка?

Лицо оценить сквозь кровавую пелену было невозможно, но фигура что надо, да и бельишко дорогое, откровенное, такое не надевают, чтобы сбегать в магазин за солью, эти явно неудобные кружевные ленты пошиты для соблазнения, покорения и дальнейшего уничтожения мужчины и его воли.

Мысль оборвалась, когда лёгкая вибрация ударила в подушечки пальцев. Пульс! Я бездумно поднял девушку на руки, обернул её же шубой, прижал к груди и быстрым шагом бросился к машине. Эта девка была лёгкой, как пушинка... Голова болталась, как у сломанного манекена, пришлось перехватить руку и прижать её к себе подбородком. В нос ударил яркий запах крови и что-то еле уловимое... сладкое.

– Федя, мать твою, что ты замер? – взревел я, чтобы привести Воронова в чувства. Ветер подхватил мой зычный голос и оглушил застывшего водителя с такой силой, что тот подпрыгнул и бросился к машине.

Какого хрена я делаю? Во что я вляпался в очередной раз? Если моё имя снова будут полоскать в чане с дерьмом накануне этой сделки, то все опять зависнет в воздухе. А мне нужен этот контракт с англичанами! Партия металла уже почти отгружена, осталось только красным бантиком повязать

и саксам сбегать этот неликвидный балласт.

Чёрт! Именно поэтому вместо того, чтобы заниматься нужным мне контрактом, я прижимаю к груди окровавленную девушку и пытаюсь угадать, чем же она так соблазнительно пахнет?

– Вадим Дмитрич, – Федька запрыгнул на сиденье и уставился на меня в зеркало заднего вида, очевидно, ожидая дальнейших указаний. Его откровенно трясло от ужаса, зуб на зуб не попадал, а в глазах сверкала паника. Признаться, меня тоже потряхивало, но внутри. Где-то очень глубоко.

А дальше что делать? К ментам нельзя, они меня после последнего скандала сольют прессе быстрее, чем «мяу» сказать успею, чтобы восстановить пострадавшую репутацию. В больницу тоже нельзя, с такими травмами они обязаны вызвать первых... Чёрт! Замкнутый круг какой-то. Но и не помочь я не могу, особенно теперь, когда прижимаю к себе этот ледяной комок с еле уловимыми признаками жизни.

Хоть я и старался смотреть на красный шнурок, медленно покачивающийся на зеркале заднего вида, чтобы попытаться сосредоточиться, но глаза то и дело сами опускались к безжизненному тельцу в моих руках.

– Что за день... – я достал из кармана телефон, понимая, что уже ничего не исправить. Внутреннее предчувствие катастрофы закручивалось тугой спиралью, рвануть которой, по классике жанра, будет суждено в самый неподходящий момент. – Рустам! Через пять минут буду, вызови Герберта

Ивановича, а лучше отправь парней за ним. Срочно!

Я махнул водителю, чтобы разворачивался, пока давал указание начальнику службы безопасности. Вот тебе и безопасность... Моя, между прочим. Акишев быстро сообразил, что не время сыпать вопросами и уточнениями, сам оборвал звонок, не вымолвив ни звука.

Я одной рукой удерживал девчонку, думая лишь о том, чтобы та не окочурилась у меня на груди. Со всем можно справиться, кроме трупа в машине. Рассматривал одутловатое лицо, бесчисленное количество мелких порезов, так щедро рассыпанных по её телу. Да её будто по тёрке протасили пару раз. Даже полному олуху станет ясно, что несчастайно.

Во что же ты влипла, крошечка, и меня втянула заодно?

А она и правда была крошечной, как Дюймовочка. Тонкие ручки, угловатые плечи, по-женски рельефные ноги и длинные пальчики с аккуратным неброским маникюром. Её серебристые волосы струились по плечам, путались в увесистом золотом колье с бриллиантами внушительных размеров, слипались в некоторых местах с высоким ворсом соболиной шубы.

Бред какой-то...

Цацки-то не игрушечные... Знаю я, сколько это барахло стоит. Откинул полы манти и тихо застонал, таращась на окровавленный ярлык с гордым именем итальянского модельера, окончательно хороня надежду на то, что ещё может

что-то обойтись...

Девчонка еле жива, зато обёртка у неї стоимостью лямов в пять, не меньше.

Федя затормозил у центрального входа моего загородного дома, где на крыльце уже стоял обеспокоенный Рустам.

– Вадик! Какого хрена? – как только дверь с моей стороны открылась, взревел друг и по совместительству начальник моей охраны. – Кто это?

– Шёл-шёл и нашёл! – зарычал я в ответ на глупый и совершенно неуместный вопрос.

– Хрен ты больше один будешь ходить-ходить! – Рус передразнил меня, наклонился над девчонкой и зацыкал, осматривая с явным интересом её «расписную красоту», и однозначно рукотворную. – Это ж надо так плохо соса ... Кх-кх... составлять слова, что дядькам пришлось ручки пачкать.

– Да не шлюха она, – я кивнул на цацки, отогнул край шубы, после чего Рустик присвистнул и стал щупать пульс.

– Босс, – друг всегда выстраивал дистанцию, прежде чем высказать что-то, что может мне не понравиться. – А может, надо было её... Того?

– Пульс есть? – захрипел я, наклоняясь к Рустаму так близко, чтобы он кожей впитал мой гнев.

– Есть...

– Тогда какого хрена ты лясы точишь? Забирай её и неси в лесничий домик! Забыл уже, да? Может, и жену твою надо было... Того!

– Заткнулся, извинился, в ножки поклонился, – Рустам вытащил девку, а я еще долго смотрел на белоснежную сорочку, изуродованную чужой кровью...

Глава 2

– Ну и дерьмо! – Рустам уже на пятый раз рассматривал ролик с видеорегистратора. Шерлока, мля, из себя строил, хотя на записи отчетливо было видно, как из непроглядной пелены выюги выныривает девушка в белой шубе и замертво падает под колёса тачки. – И ведь не доказать, что это не ты её бампером протаранил.

– А кому ты доказывать собрался? – я сдернул с себя окровавленную рубашку и бросил в огонь камина. – Чёрт! Запонки...

– Не обеднеешь. К ментам нельзя идти, Вадь.

– Да ты что? А я хотел в 112 звонить уже! – содрал с себя и брюки, отправившись голяком в ванную. Встал под ледяной душ, надеясь, что мозг хоть чуть-чуть начнёт работать.

– Кто, млять, она такая? – Рустам, очевидно, решил после произошедшего приглядывать за мной тщательнее, раз вторгся в ванную.

– Это ты мне скажи! Ты начальник службы безопасности, вот иди и думай! – заорал я с такой силой, что стёкла душевой жалостно заверещали.

– Может, не доживёт? – друг шумно выдохнул и удалился. Может, и не доживёт...

Я стоял под сильным обжигающим водопадом, изредка

делая его прохладнее, до тех пор, пока ритм сердца не восстановился, и только после этого вырубил воду.

Хоть это и редкость, но в чём-то Рустам прав. Нет тела – нет дела. Но и оставлять её на обочине нельзя было, я хоть и зверь, но на подобную дичь по отношению к женщине все же не способен.

Девчонке-то от силы лет двадцать. Даже сквозь уродство «мужской» любви видно, что конфеткой была, а то, что это мужики сотворили, сомнений у меня и вовсе не было.

Не дала. Отвергла. Изменила...

Поводов уйма, а средство всегда одно – кулак.

Но проблема в том, что меня это не должно касаться! По-зажигала на даче у какого-нибудь зелёного отпрыска местной шишки, вот тебе и скорая расплата. Отымели, цацки нацепили и на вольные хлеба отпустили.

Вот в этом-то и дело... Девка дошла! Видел я тот ролик, где она барахтается босыми ногами по ледовому насту, лишь бы успеть. И успела. Дура! Ведь на скользкой дороге машина может повести себя как угодно! Вместо помощи можно и коньки отбросить. Вот только ощущение, что терять ей уже было нечего, было настолько явным, что, вновь и вновь просматривая, как она борется за свою жизнь, сердце замирало от ужаса, который она, должно быть, испытывала.

Многое доводилось видеть. И то, как от страха люди застывали на месте, смиряясь с незавидной судьбой и неминуемой смертью, и душераздирающие истерики, в приступах ко-

торых жертвы готовы были на всё, лишь бы шкуру свою спасти. Но видеть, как женщина выцарапывает у «клюкастой» своё право дышать – никогда.

Итак...

Если менты не узнают, то в сводках этот инцидент значиться не будет. А если будет тихо, то и ублюдки расслабятся, радуясь, что найдут этот юный «подснежник» теперь только весной, когда снег сойдет. Тогда... Тогда искать её будут только родственники.

– Рус! – заорал я, прекрасно зная, что тот топчется под дверью.

– Да.

– Мониторь сводки пропавших.

– Пф-ф... Уже! – понурый Акишев вошёл в комнату, замер у дверей, заложив руки за спину.

– Девка босая была...

– Отправить мужиков осмотреться? – вытянулся в струнку друг.

– Сиди и не мелькай. Сначала сделка, потом думать будем. Там такой буран прошел, что даже если захотят – ни черта не найдут, а лишние следы нам не нужны.

– Ой, не вовремя, Вадь... Совсем не вовремя, – зашептал Рус, оглядываясь по сторонам. – Мы и без неё в такое болото влезает, что волосы шевелятся. Когда твоя братия из высшей касты узнает, что ты хочешь отжать такой жирный кусок, быстро нашу жизнь в адище превратит. Помнишь, что

в прошлый раз было? Тебя же после взрыва Герберт Иванович по кускам собрал!

– Кстати, он приехал?

– Уже час её штопает. Главное – чтобы ниток хватило.

– Ну, пойдем, оценим мастерство его вышивки гладью, – я надел спортивный костюм и направился к лестнице, ведущей в подвал, откуда шел подземный ход к лесничему домику.

Этот дом я строил лет десять. Долго? Однозначно! Вскоре этот квест стал напоминать заевшее колесо обозрения: пока заканчивали ремонт в западном крыле, дизайн восточного устаревал окончательно и бесповоротно, и всё начиналось заново. Мне иногда даже казалось, что я никогда не выпью чай на дубовой веранде, не проснусь в спальне с видом на спокойную гладь озера и не спрошу у местной кукушки, сколько мне там существовать осталось.

Рустам не слез с архитектора, пока тот не выполнил все его завиральные идеи по безопасности: бронированные окна, двери, усиленные стены, подвал, переход из одного здания в другое... Короче, в какой-то момент я потерял нить целесобразности подобных инвестиций, а потом и вовсе смирился с тем, что этот неприступный замок теперь будет со мной вечно. Хрен я найду какого-нибудь лоха, чтобы втюхать сие творение, граничащее с бессмысленным разорением. Пусть стоит, зато в случае атомной войны есть где спрятаться.

Но вообще я любил этот дом. Сорок соток земли, плотное кольцо леса, озеро и трескучая тишина. Здесь хорошо рабо-

тать, хорошо спать и наслаждаться минутами покоя, которых в современном мегаполисе стало неприлично мало. Повсюду люди, их голоса, проблемы и вечная реклама... Ты, сам того не желая, начинаешь подстраиваться под скорость толпы, изнуряя себя работой до изнеможения. Мало! Ещё! Быстрее! Больше... Этот девиз стал не просто спутником человечества, это информационный хлыст, заставляющий нас рвать задницу в том ритме, в котором прикажет общество, или, как говорили раньше, стая. Все мы из стаи. Все...

Рустам опередил меня, чтобы проверить тамбур перехода, прежде чем впустить. Щелкнул электронный замок двери, и мы вошли в домик лесника, как я привык его называть. Пахло печкой, баней и можжевельновыми вениками. Камин растопили недавно, поэтому окна еще не отошли, искажая яркий свет уличных фонарей резным рисунком мороза на стекле.

Из-под закрытой двери комнаты отдыха сочился свет.

– Долго что-то, – осматривался по сторонам. Давненько я в бане не был. Современные блага так развращают, лишают доступных радостей, типа как попариться от души, а после выпить холодного пива и съесть сочного рака.

– Да там же мясо, Вадь. Даже если тёлка была зачетная, то от неё уже ничего не осталось. Нечем торговать будет...

– Думаешь, всё-таки – проשמандэ?

– Скорее эскорт.

– Сейчас куда ни плюнь – эскорт, – я брезгливо поморщился, потому что терпеть не мог эти бартерные отношения,

где за хрустящие бабки с тобой и поговорят, и минет сделают отменный, и в «психологиню» с пронзительным и все понимающим взглядом поиграют. Главное – деньги вперёд.

– Прошмандэ сейчас не в моде, Вадь. Двадцать первый век, как-никак.

– Ага, век-то двадцать первый, а методы старые, дедовские. Оттрахал, и на мороз. Да?

– А вот тут рано. Может, она сама сбежала? Папенька строгий? Или любовник неласковый оказался? Или совсем просто, поругалась с подругой? – накидывал варианты Рус, покачиваясь в кресле возле камина.

– Может... А может, и не может! – рыкнул я на него за то, что так отчаянно пытался сгладить ситуацию. Вот только что тут сглаживать? Откуда она сбежала? Из клетки с тиграми? Тогда возможно.

Нас прервал скрип двери, и из комнаты вышел лекарь-волшебник, что не единожды играл в крестики-нолики на моей шкуре. Герберт Иванович. Старичок молча кивнул, вытер руки о полотенце и сел за стол, на котором были разложены его бумажки.

– Жива?

– Жива, девка, жива... – старик, не отличавшийся обычно сочувствием, сейчас недовольно морщил крючковатый нос, осматривая нас поверх узких очков в золотой оправе. – Звери, и то гуманнее. Сначала убивают, а потом тело раздирают. А тут... Озверели люди, ничего святого в душах не осталось.

Вадим Дмитрич, раны я заштопал и обработал, капельницу поставил. Если переживёт ночь, считай, в рубашке родилась. Её бы на МРТ, как очухается.

– А когда очухается-то?

– Не знаю, хлопцы. Сегодня я останусь с ней, а завтра найдите сиделку.

– Исключено!

– Прости, Вадь, но я не могу поселиться у тебя, – скрипел старик, оторвавшись от бумаг.

– Иваныч, а я не могу пустить к ней чужака, пока не выясню, кто она, и чем мне обернётся и её живучесть, и рубашка, в которой она, как ты говоришь, родилась. Понимаешь?

– Клару попроси, – старик упрямылся, быстро строча ручкой в ежедневнике. – За ней нужно наблюдать. И ещё... У неё спина вся рассечена, девку словно хлыстами гнали, на ногах мозоли, но не от снега или льда. Мне кажется, что её постепенно раздевали, оттого и раны на ней такие странные, будто нанесенные в разное время. И обморожения тоже разной степени. Нельзя ей одной... Нельзя...

Глава 3

Я с каким-то животным спокойствием наблюдал, как юристы выходят из здания, как садятся в машину и отчаливают в сторону аэропорта. И лишь когда кортеж скрылся из поля зрения, смог выдохнуть.

Есть!

Ох, как же долго мне пришлось кружить вокруг этих чопорных зануд, лишь бы втюхать неликвидный металл с завода. Им и так сойдёт, а мне чистоган нужен, чтобы ставить эксперименты по облегчению стали для авиастроения.

Птичкам больше не нужна тяжелая броня, им, наоборот, полегче и подешевле подавай. А для экспериментов нужны деньги, поэтому мне и пришла в голову эта идея сбавить то, что на просторах «сытой» на металл страны считается шлаком. Надеяться на федеральное субсидирование рано, не говоря уж о госзаказе, мне ещё потеть и потеть на свои кровные, чтобы найти нужный сплав. Главное – успеть к запуску новой модели широкофюзеляжного самолёта, первого с советских времен.

Я смотрел на экран ноутбука, где значился денежный приход, и не мог заглушить восторга, который меня переполнял. Никто не верил в меня и в мою идею, включая отца и братьев. А для меня к сорока годам как-то их мнение стало лишним,

тягостным, что ли. Дай Бог, видимся раз в месяц, этого достаточно и им, и мне.

– Ну что, как отмечать будем? По ресторанам или по блядям? – Рустам заглянул в кабинет.

– Ой, из тебя поблядист, как из меня – пианист, – впервые за день рассмеялся я, жестом приглашая друга войти.

– Какие наши годы, Вадь? Ещё научимся, – Рус сел на край стола и закурил. – Может, к нам поедем? Улька там наготовила на целую роту, да и Майка по тебе скучает. Поедем, Вадь?

– Нет, Русик, я домой. И ты езжай, скоро Новый год, а подарки, поди, до сих пор в магазине на полках?

– Есть такое, – Рустам опустил голову. – Но ничего, я все успею. Знаешь, после первого ребенка я думал, что стою на краю пропасти, а мне в спину тычет миллион невыполненных дел, а после третьего – уже море по колено. Я же суперпапа, все смогу, все успею!

– Давай, суперпапа, беги, пока я не передумал.

– Охрана внизу, до второго числа с тобой усиленный наряд. И не вздумай сопротивляться! – Рус махнул кулаком и выбежал из кабинета.

– Ладно...

Офис пустел стремительно. Тишина паутиной растекалась по этажам, съедая любимые мною звуки оргтехники, цокот женских каблучков и тихие переговоры сотрудников.

Налил новую порцию кофе, вышел на террасу, вбирая в

легкие морозный воздух декабря, и закурил.

Вроде, все прошло как по маслу, а грудь все равно тиска-ми сжата. И мысли... Такие путанные, резкие, как испуганная стая воронов. Я ещё раз осмотрелся, прекрасно понимая, что просто тяну время, и, подхватив пальто, вышел из кабинета.

– Вадим Дмитриевич, домой? – Фёдор открыл дверь авто и, махнув охраннику, шустро занявшему кресло спереди, вклинился в поток.

Город просто сиял от бесконечных паутин гирлянд, вывесок с зазывными распродажами для зевак-туристов. Зима в этом году пришла рано, снег выпал в октябре, а к ноябрю его было столько, что коммунальщики захлёбывались в работе.

Мы, как обычно, на центральном проспекте оказались зажатými в пробке, поэтому оставалось лишь глазеть по сторонам. Странно... Дел никаких нет, все бумаги подписаны, отчетная статистика закрыта, а внутри все равно растекается обжигающее беспокойство.

Глаз зацепился за толпу девчонок, весело отплясывающих от холода на светофоре. Что за тупость – надевать короткие юбки и чисто символические куртки, которые холодят даже меня! А одна, особо бесстрашная, была ещё и без шапки... В этот момент девушка тряхнула головой, и по спине рассыпались серебристые, покрытые сверкающим инеем локоны, в которых путались резные хлопья снега.

Сердце ухнуло... А ещё недавно спутанные мысли стали

обретать абсолютно реальные очертания. Крошка...

С момента той аварии прошло четыре дня, а новостей всё не было. Придорожная Дюймовочка и правда родилась в рубашке, раз пережила самую сложную ночь, находясь под пристальным Герберта Ивановича, вот только в сознание не приходила.

Перед отъездом в город я зашёл к ней на пару минут, сам не понимая, зачем. Просто стоял как истукан и пялился на хрупкую девку без имени и прошлого, что так отчаянно пыталась спастись, бросаясь под колёса моей машины.

Она лежала, как заколдованная принцесса, на лице её не было ни румянца, ни признаков жизни. Мы думали, что та плотная багряная корка на её лице – это месиво рваных ран, но оказалось, что это просто застывшая густая кровь, которую смыли волшебные руки старика Герберта. Ровная, почти прозрачная кожа пестрела тонкими порезами, которые уже затягивались благодаря травяным отварам и чудо-мазям собственного производства, но жизни в ней всё равно не было. Еле дышащая. Спящая. И на удивление красивая.

С одной стороны, мне хотелось оттянуть тот момент, когда от тупого созерцания этой Крошки придётся перейти к делу, но с другой стороны, на душе поселилась какая-то новая, доселе неведомая и чуждая мне эмоция. Она, как роза в хрустальной колбе, была только у меня... Просто была.

– Вадик, что ты несёшь? – рыкнул я сам на себя и шлёпнул по кнопке, чтобы поднять наглухо тонированное стекло

и избавиться от взглядов водителя и охранника. Достал телефон и набрал мою помощницу по дому.

– Клара Ивановна? Как дела? – сам не зная, в который раз задал я этот вопрос.

– Дышит, Вадим Дмитриевич. Вчера Герберт Иванович привозил гинеколога для осмотра, а сегодня весь день колдует с какими-то капельницами. Быть может, позже будут новости? Вам сообщить, когда врач уедет?

– Нет, Клара, – прошептал я, смотря на современную высотку, в подземный паркинг которой мы въезжали. – Сегодня я дома.

– Хорошо.

– С наступающим, Клара.

– И вас, Вадим Дмитриевич, – было слышно, как обычно сухая и максимально сдержанная женщина улыбнулась, роняя скудные эмоции. – Желаю вам в этом году море нового, интересного и необычного!

Я отбил вызов, убрал телефон во внутренний карман пальто и откинул голову на спинку. Растирал ладонями лицо, пытаясь содрать дурацкую настырную мысль, что необычнее безжизненной и безымянной девушки в моём доме уже просто быть ничего не может. А почему безымянной? Пусть будет Крошкой.

«Как ты там, Крошка?» – с этой мыслью я вошел за охранником в лифт.

На автомате выбрал нужный этаж, а после перезвона ко-

локольчиков замер у двери.

Что с тобой? Соберись, Вьюник...

– Вадюша! – дверь распахнулась за мгновение до того, как я коснулся картой магнитного замка. Теплые женские руки опутали мою шею, а щетина запуталась в каштановых волосах жены.

– Привет, – я улыбнулся и впился в мягкие женские губы.

Нина взвизгнула от возмущения и поспешила втянуть меня в квартиру, чтобы не устраивать, как она говорит, театр на глазах у обслуги. А когда дверь хлопнула, то вновь прижалась и холодно ответила на мой поцелуй, туша тем самым ещё недавно разгорающееся внутри меня пламя. Губы её были напряжены и опять на вкус – как горькая айва с запахом бабушкиных духов «Красная Москва». Дёрнулся и машинально стёр следы этой отвратительной помады со своих губ.

– Ну что ты? – она отошла от меня и стала поправлять смявшуюся рубашку и расслабленный галстук. Ненавидела она это... Всегда стирала следы неидеальности, уродства и беспорядка.

– Опять эта помада... – бросил на пуф сумку с ноутбуком, снял пальто и отработанным жестом повесил его в шкаф, нарочно забыв закрыть дверцу. Нина вздохнула, поправила лацканы кашемира, стряхнула капли подтаявшего снега и закрыла глянцевые створки.

– Ты придираешься, Вадюш, – она шла следом, звонко цо-

кая каблучками по каменному полу, по пути поправляя живые цветы в вазах. — И ничего она не пахнет твоей бабушкой.

— Ты-то откуда знаешь? — я улыбнулся и вошёл в свой кабинет, где мог жить вне её правил. Распахнул дверь на террасу, впуская свежий воздух в жаркую квартиру. Нина застыла в пороге и мгновенно обхватила себя руками, ёжась от сквозняка. Ненавидела она холод, оттого и дома была мини-Сахара, а я дышать не мог здесь. Как гриппозный, вечно хлюпал носом, перебиваясь спреями, чтобы суметь поспать хоть пару часов в этой безжизненной пустыне.

— Сегодня семейный ужин, ты же помнишь?

— Да, только в душ схожу.

— А какой сегодня день, помнишь? — смущенно прошептала она.

— Помню, — когда я сдёрнул галстук и подцепил верхнюю пуговицу сорочки, Нина опустила глаза, а через мгновение и вовсе зацокала прочь.

— Родители уже скоро приедут, Вадюш. Не задерживайся...

— Хорошо.

Скинул вещи на диван и пошёл в душ, чтобы смыть это оливье из мыслей и бредовых ощущений, а когда вышел, то бархатный диван вновь был пуст... Не знаю, почему, но сегодня все это — привычное и обыденное — цепляло наждачкой по живому. Наверное, поэтому я надел не опостылевший за рабочую неделю костюм, а простую белую футболку

и джинсы. Вышел из кабинета прямо босиком и направился на её традиционной аромат утки с яблоками, доносившийся из кухни.

Нина кружила вокруг трёхметрового обеденного стола и поправляла льняные салфетки в серебряных кольцах так, чтобы все лежали в одном направлении.

– Как контракт?

– Все получилось, – налил в стакан воду с лимоном и осушил его до дна, чувствуя, как поднимается температура. Сел в кресло, вертя пустой стакан и наблюдая за степенным шагом жены. Она то отходила от стола, то вновь подбегала, перемещая фарфоровые блюда с холодными закусками, накрытые пищевой плёнкой.

– Что мы скажем родителям? – Нина вдруг вытянулась в струну. Тонкий шёлк её вечернего платья не мог скрыть напрягшиеся мышцы спины, неестественно прямую осанку и окаменевшие плечи. Она дёрнула головой, рассыпая шоколадные волосы, и мельком осмотрела мои босые ноги и любимые драные джинсы, не сумев скрыть эмоцию брезгливости и разочарования.

– Ты о чём, Нин? – толкнул стакан по каменной столешнице и стал растирать лицо. Я словно в тумане бродил, все происходящее было каким-то неживым, бессмысленным, что ли. Эти её полунамёки, застывшие в глазах слёзы и напускное спокойствие вызывали лишь раздражение. Порой хотелось подойти к ней, встряхнуть и заставить показать чувства,

не напускное приличие, а настоящие... А сейчас и этого не хотелось.

Для чего?

Все эти истории про любовь с первого взгляда, спонтанную роспись в ЗАГСе в разноцветных кедах, драных джинсах и праздничный ужин с близкими друзьями в «макдаке» — это же городские байки, призванные веселить людей. А в реальности всё иначе. Ты выбираешь себе пару, с которой пройдёшь через годы без сюрпризов, истерик и бестолковых душевных терзаний. И только от твоего скрупулёзного и выверенного решения зависит твоё будущее. Какое оно будет? Двадцать лет в жерле вулкана и развод «под старую сраку», или комфортабельное плавание вдоль изумрудного берега на сверкающей яхте. Да, всё спокойно, без бурлящей страсти, в которую я, кстати, вовсе не верю, но зато предельно понятно, привычно и надёжно.

Вот и я выбрал. Нина идеальная... В ней же всё, как с женского эталона отлито: покладистый характер, мягкость, хозяйственность, фигура, милое личико и природная скромность. Вот только за семь лет от этой скромности зубы скрипят.

Даже сейчас она украдкой смотрит на мой внешний вид, отчаянно подбирая слова, чтобы отправить меня переодеться, потому что праздничный ужин в кругу семьи в её идеальном представлении должен быть другим. Она прозрачная, как стекло. Понятная, по-хорошему предсказуемая. Но прес-

ная, что ли...

– Ну... Папа опять спросит про... – заикаясь, прошептала она и бросилась к помпезно украшенной новогодней ёлке. Трясущимися пальцами поправила стеклянные шары, а потом запустила дебильный паровозик, который, имитируя дым из трубы, кружил вокруг ели по специальным направляющим.

– Это его не касается, Нин, – я не выдержал этого бестолкового разговора и снова пошёл в кабинет, чтобы переодеться, лишь бы она успокоилась и улыбнулась. Когда я завязал узел галстука, в дверь позвонили, а цокот каблучков засеменял по длинному коридору.

– Вадюша! Родители приехали!

Открыл дверь и в последний момент успел схватить жену за руку, припечатывая к себе. Нина охнула, но сопротивляться не стала. Неуверенно уложила голову мне на плечо, втянула носом аромат парфюма, аккуратно, чтобы не испачкать, поцеловала в подбородок и одобрительно похлопала ладошкой по груди.

– Идём, не будем заставлять ждать...

Глава 4

– Вадюха! – заверещала моя младшая сестренка и, как обычно, проигнорировав Нину, бросилась мне на шею. – Ты опять в шкуре робота? Ну, дома-то можно не носить эту удавку?

Верка заговорщицки подмигнула мне и стянула с шеи галстук, который я сейчас и правда ощущаю удушающей петлёй. Она обхватила ладонями лицо и стала быстро-быстро целовать в щёки, медленно скользя по колючей щетине пальчиками.

– Вера, ну хоть постеснялась бы при нелюбимых братьях выказывать свою откровенную любовь к младшенькому, – первым вошёл Владислав, он дежурно кивнул Нине, приобрёл её, вручил букет цветов.

– А она вечно на нём висит, а это всё потому, что он её балует с самого детства, – забрызжал Вовка, продублировав приветствие и холодное объятие с Ниной.

– Можно хотя бы в Новый год без этих ваших споров? – отец пропустил маму и вошёл в квартиру последним.

– Сын! – мама первым делом бросилась меня обнимать, наперегонки с Веркой оставляя поцелуи на моём лице.

– Так, всё! – сквозь смех произнёс я, отлепляя от себя цепкие женские ручки. – Раздеваемся, и за стол! Нина нам

такой ужин шикарный накрыла...

– Опять утка? – зашептала Вера, пряча гримасу отвращения ото всех за створкой шкафа, и если бы не строгий взгляд мамы, то она бы и язык вытащила.

– Ниночка, деточка, здравствуй. Прекрасно выглядишь! Опять похудела? – мама опомнилась и стала замаливать перед невесткой холодный приём. Нина чуть зарумянилась и, проконтролировав, чтобы всем хватило вешалок, закрыла створки шкафа и повела гостей в столовую.

Акт первый завершился. Осталось ещё пережить парочку...

– Она не хочет быть врачом! – скрипел отец, гоняя фаршированную оливку по тарелке. – Вадь, ты слышишь?

– А кем она хочет быть? – я отложил салфетку и откинулся на спинку кресла, пытаясь придумать, как бы улизнуть от пристального взгляда жены, чтобы покурить.

– Дизайнером! Что это вообще за профессия такая? – папа резко вскочил, отчего ножки стула противно заскрипели по полу. Нина вздрогнула и поморщилась, до белизны сжимая под столом пальцы. Я накрыл ладонью её вечно ледяные руки, сжал и ободряюще подмигнул. Нина вяло улыбнулась и вновь стала осматривать стол, чтобы заменить опустевшие тарелки.

– А что? – Вовка смотрел на меня в упор, взглядом маяча на террасу. – Сейчас куда ни плюнь дизайнеры, пап. Мы скоро в нужник заходить не станем, если он не отделан по

последнему слову моды. Да, Вер? Сделаешь брату ремонт в туалете?

– Вовочка, ты груб и неотёсан! – шикнула Вера и надула губки. – Мам, ну скажи им!

– Вера, не втягивай меня в свою игру! – вскинула руки мама и ретировалась из-за стола, чтобы помочь Нине. – Ты слёзы проливала над химией, когда пыжилась, чтобы поступить в мед! Истерики закатывала, перебрала всех репетиторов в городе, отцу плешь проела, а мне нервы все в хлам распотрошила, а теперь мы должны вновь броситься в водоворот твоих страстей? Нет уж... Дима, пусть идёт куда хочет!

– Слышишь, папочка? – возликовала Верка. – Маменька уже сдалась. Давай, гони своё отцовское благословение и скажи «отбой» своим церберам, которые в деканате не отдадут мне документы. Не буду я там учиться! НЕ БУДУ!

– Влад, – отец первым сдался и, накинув на плечи пиджак, вышел на террасу, прикуривая на ходу. Чёрт... Теперь всю ночь мы будем проветривать запах дыма и жечь эти вонючие благовония. Ну, спасибо, папа...

– Пойдем, мужики, воздухом подышим – Вовка расхохотался, бросил в сестру маслиной и вышел следом за отцом.

– Вадюша... – Нина впилась ногтями в мою руку, не решаясь заглянуть в глаза. Она вроде настаивала, но при этом так, будто готовилась к удару! Даже брови нахмурила, дура... Можно подумать, я за все годы супружеской жизни хоть пальцем её ударил! Идиотка!

Её этот неуместный и дикий по своей сути жест увидели и мама с сестрой, поэтому и застыли, как ледяные скульптуры, сверля меня непонимающим взглядом.

– Нина, угомонись, ты пугаешь гостей, – шепнул ей на ухо, поднимаясь с кресла. А когда она ослабила хват, то буквально выбежал на балкон, с жадностью глотая морозный воздух. Нина уже год ноет, чтобы утеплить террасу и окончательно выжечь весь кислород из квартиры. Не дом, а баня.

Баня...

В нос ударил фантомный запах можжевельных веников и тонкий аромат сладкой карамели с солоноватой примесью крови. Крошечка...

– Ну? Говорят, ты все же добился своего? – отец и братьями сидели в мягких креслах, смотря на ночной город, накрываемый очередным снежным циклоном. Острые пики высоток стали похожи на сахарные леденцы, а фары проезжающих по центральному проспекту машин теперь напоминали светящуюся монолитную ленту на новогодней ели.

– Да, металл уже отгружен, – я закурил, пытаюсь перебить табаком этот зудящий в носу аромат.

– Вадик, – Вова прокашлялся, оценив тяжелый взгляд отца, и повернулся ко мне. – Говорят, ты авиационный завод покупаешь? И аэропорт в каком-то Мухосранске?

– Допустим, – еле сдержал мышцы рта, чтобы не выронить улыбку. Интересно... А кто это у нас такой болтливый?

– Зачем тебе это? – Владислав тоже встал, преграждая мне

обзор зимнего пейзажа. – За последние пять лет ты уже во все сферы руку свою запустил. Неразумно это, уж поверь старшему брату. Лучше сосредоточиться на чём-то одном. Денег у тебя уже на три жизни вперёд, – невесело усмехнулся брат. – Обогнал нас по всем фронтам, так сказать. Молча, незаметно, даже как-то обидно порой становится.

Обидно? Хм... Когда я купил нефтепереработку, они говорили, что это дохлая сфера, требующая больших вложений, а выхлоп я получу, уже будучи глубоко под землёй. Но мой комбинат запыхтел уже через год, новое оборудование окупилось мгновенно, потому что я лично объезжал небольшие города, ища нужные мне контракты. Потом был аграрный комплекс с небольшой фермой, и тогда родные мне в один голос твердили, что я солью туда все деньги, до того как вырастет первый бычок и испечется буханка хлеба. Но и тут промах... Мою говядину закупают столичные рестораны, выдавая свежесть и отменность продукции за мастерство «мишленовских» поваров. Было обидно с первым бизнесом, в который они не верили и, как следствие, отказались быть в доле, а потом...

Смирился. Они старой формации. Кругозор у них работает, как компас. Указывает только в одном направлении, а мир наш огромный, возможности безграничны, а вот время, когда ты можешь насладиться достижениями, не резиновое.

– Что ты хмуришься, как Верка? – отец склонился, призывая меня повернуть голову. – К тебе уже давно приковано

внимание, ты понимаешь? Жадность губит, Вадик!

– Пап, а что такое жадность? – я прикурил вторую, потому что звенящий аромат сладких карамелек до сих пор зудел в носу. – Я делюсь, причем со всеми! Мухосранск, как вы говорите, получит новый аэропорт, базовая авиакомпания сможет расширить авиапарк, потому что современный ангар для технического обслуживания уже почти готов. А ещё там впервые за тридцать лет смогла приземлиться санавиация. Так в чем жадность?

– Не всем по нраву твой стремительный бег по пунктам Форбс, – Вовка похлопал отца по плечу в попытке вернуть его обратно в роль родителя, а не дознавателя. – Но ты не думай, Вадь, мы мозг тебе промываем исключительно из родственных переживаний. Просто уж очень резко ты приподнялся за последний год. Куда не плюнь, ВДВ, причём младшенький. Обидно, да...

Вовка сел рядом со мной, с силой ударил по колену, а потом перекинул руку и зажал её под мышкой, как в детстве, с силой елозя кулаком по волосам.

– Эх ты, прощелыга, – шипел он сквозь залиvistый смех. – Обскакал нас, да? Показал всем, у кого из ВДВ-шников самые крепкие яйца?

– Вова! – хрипел отец, пытаясь скрыть смех, а вот Владислав терпеть не стал и бросился на помощь Вовке. Точно, как в детстве...

Сложно быть младшим из ВДВ.... На отца озарение ка-

кое-то снизошло, пунктик в мозгу завибрировал, желая, чтобы у всех его отпрысков были одинаковые инициалы. Он не слушал уговоров ни жены, ни своих родителей, сам ездил в ЗАГС, выбирая для нас имена. Во всяком случае, так гласит семейная легенда.

– Ты с ментами уладил вопрос? – отец перехватил меня за руку, когда мы уже почти вошли в столовую.

– Это они со мной должны вопрос улаживать, пап, а не я с ними. Не я пришёл мзду просить с того, что им не принадлежит. 90-е закончились, платить жадным выродкам я не стану! – я прикрыл дверь, чтобы наш разговор не слышали.

– Тебя уже дважды взрывали, тебе мало? Думаешь, я беспокоюсь, что ты обогнал старика Вьюника? Нет, Вадь, я о шкуре твоей пекусь. До моей смерти у меня должно быть три сына и дочь-мартышка! Я каждое утро вас пересчитываю, и ещё лет двадцать ничего не должно поменяться, ясно? – рывкнул старик и с силой сжал моё плечо. – Каждое грёбаное утро... Неважно, какое – хмурое, солнечное, дождливое или снежное – вас должно быть четверо!

– Ясно, пап. Ясно, – как часто мы утешаем родителей, хотя всем понятно, что это всего лишь слова. И отец понял, оттого и взгляд его потух.

– Внуки когда появятся?

– Пап, ты Нинку только не трогай, ладно? Она и так как на иголках.

– Нинка твоя – робот, сын, – отец обернулся, украдкой

наблюдая за тем, как моя супруга осматривает обновлённый стол. Что в этом было странного? Да, наверное, ничего... Просто это так резало взгляд на фоне танцующих Вовки с Веркой и мило обнимающихся мамы и Влада.

– ВДВ-шники! – заорала Вера, так вовремя прерывая наш разговор. – Скоро уж президент начнёт рассказывать, что год был сложным!

– Пойдем...

После разговора атмосфера за столом сильно изменилась. Мужчины стянули галстуки, папа позволил себе две рюмки водки и уже сидел счастливый и румяный, а Верка отплясывала вокруг ёлки, зная, что через час уже можно разорвать подарочную фольгу с коробок. Девчонка.

Как ты, Крошка?

Глава 5

Я лениво листал новостную ленту, чтобы не вырубиться от усталости. В ванной уже час лилась вода, а аромат едкого жасмина, безжалостно пробираясь в щель под дверью, начал вызывать удушье.

– К чёрту, завтра извинюсь, – отбросил телефон и только потянулся вырубить свет, как из ванной вышла Нина. Длинная шелковая сорочка, не открывающая ни одной части женского тела, аккуратно собранные в косу волосы и эта дебильная помада, которую она завтра будет отстирывать с постельного белья. Я вдруг поймал себя на мысли, что даже не помню лица жены без макияжа. Она для меня всегда одинаковая: причёсанная, одетая, накрашенная – с идеальными румяными яблочками щёк, выдающих фальшь лишь блеском шиммера. Вот и сейчас она была идеальная, как всегда, смущенная и отстранённо-холодная.

Нина двигалась медленно, по пути выключала тусклый свет ночников, погружая нас в кромешную тьму.

И к этому я привык.

Выбирая спутника жизни, ты делаешь это мозгом, а не сердцем, и уж тем более не членом. Надежда на то, что Нина вкусит прелести секса, конечно, были... Но уже через год от них не осталось и следа. Для неё секс – это процесс, направ-

ленный исключительно на зачатие. Поэтому накануне овуляции я получал дежурные уведомления о необходимости быть дома.

Сначала это даже забавляло. Такой странный бзик моей милой жёнушки, но после внезапной смерти нашего новорожденного сына по нам будто катком проехались. Все нарушилось, оборвалось, смялось... Мы, как снежный ком, катились с горы, что выстраивали три года! Её умилительные особенности становились все более странными, моя реакция все тише, а потом – хлоп... И вакуум. Безжалостный, всепоглощающий и непроглядный.

Секс... А секс вообще превратился в набор фрикций. Знал, в чем будет моя жена, чем будет пахнуть, что скажет, и куда положит свою холодную ладонь.

– Только быстро, хорошо? Я сегодня очень устала, – прошептала Нина, подходя к моей стороне кровати. Она привычным жестом коснулась рукой груди, перебрала волоски и стала нагибаться, чтобы поцеловать, но в последний момент вспомнила об этой ужасной помаде на своих губах и повернулась ко мне спиной.

Я научился умирять внутреннего зверя, жаждущего не просто секса в темноте, а бурлящего по своему накалу тайфуна! Приспособился обходиться адреналином, что хлестал через край в офисе. Поэтому меня всё устраивает.

Руки на автомате легли на её плечи, скинули тонкие бретельки сорочки и прошлись по покатым плечам. Коснулся

кончиком носа спины, повел вдоль позвоночника, тайно надеясь на какую-нибудь реакцию. Но глухо... От моих касаний лишь мышцы напрягались.

Но почему-то сегодня мне особенно хотелось пробиться через эту броню.

– Вадюша, – Нина сжала мои руки, опускающиеся к её бёдрам, а затем перекатилась через меня, легла на спину, покорно развела ноги в стороны и закрыла глаза.

Блядь!

Руки сами подхватили её, перевернули на левый бок, чтобы не видеть этого страдальческого выражения лица. В голове сразу вспыхнули слова врача, что физически мы оба здоровы, поэтому отсутствие беременности на протяжении последних трех лет – это психосоматика. Коварная игра разума, мозга и, мать её, души.

Нина словно услышала мои мысли, подняла правую ногу, согнув в колене, и выпятила задницу, напоминая, что пришло время для случки... Да, именно осеменителем я сейчас себя и ощущал.

Утренний свет сочится сквозь щели плотных портьер, выманивая меня из сна. Я, как обычно, проснулся мокрым от пота, потому что в этом дьявольском котле даже раки живо сварятся.

Скинул одеяло и пошёл в душ. Врубил воду похолоднее, пытаюсь избавиться от предчувствия, что тяжелой тучей нависло надо мной. Пытался отвлечься рабочими мыслями, но

когда вспоминал, что сегодня 1 января, сердце вновь пускалось в пляс учащенного ритма.

– Завтрак готов, – дверь открылась, когда я потянулся к полке за белоснежным полотенцем. Нина даже вскрикнула от неожиданности увидеть меня голым и выскочила за дверь, а у меня внутри все затрещало. Схватил зубную щетку, мазнул пасту и прямо голяком вышел в спальню.

– Что на завтрак?

– Вадюш! – Нина суетилась и металась, как загнанный зверек, оказавшийся в клетке. А отступить ей и правда было некуда, выбежать из спальни можно либо через гардеробную, либо через основную дверь, вот только проблема в том, что они обе за моей спиной. – Прикройся! Любовь Санна же дома!

– Нина! Нина! – зашипел я, хватая её за локоть. – Ты о чем говоришь? Что с тобой? Часто ли помощница по дому входит в спальню, когда мы здесь?

– Всякое бывает.

– Поговорим?

– Оденься.

– Нет, ты так со мной поговори, Нин. Вот он я, твой законный муж, – я сел в кресло, даже не думая идти на поводу у этой её внеплановой истерики.

– Я вижу, что ты настроен на ссору, Вадим. Но я не позволю твоему плохому настроению испортить мой день, – она упорно делала вид, что обеспокоена раскладыванием кру-

жевных рюшей вдоль ровного ряда пуговиц на её блузе, а потом и вовсе отвернулась к окну. – Ты чем-то недоволен? Быть может, ты жалеешь, что женился на той, кто не может подарить тебе ребёнка?

– Ребёнок! Ребёнок! Овуляция! – зашипел я и, отбросив зубную щётку на комод, подошел к жене вплотную. Грудью толкнул её, прижимая к стеклу. Давил весом своего тела, вбирал трепет её страха, паники и рвущихся наружу эмоций. Давай, Нинуль, вспыхни! Поори на меня! Ударь, в конце концов! – Ребенок нужен тебе, Нина.

– То есть тебе он не нужен? – и правда вспыхнула она, но всего лишь на мгновение.

– Я выбрал тебя не как суррогатную мать, Нина. Ты, в первую очередь, моя жена, – закипающее раздражение обратилось в возбуждение. Член налился, а руки уже стали собирать идеально выглаженную юбку песочного цвета в гармошку. Подцепил белье и приспустил, чтобы впервые за долгое время просто ощутить упругость её задницы. Развел коленом её ноги и тут же накрыл ладонью лоно, пройдясь средним пальцем по сухим складкам. Нина вздрогнула и заскулила. От частоты её дыхание окно покрылось испариной, а отвратительная помада цвета молодого персика уродливой полосой отпечаталась на стекле.

Меня накрывало гадкое ощущение, что я насилую собственную жену. Она не отзывалась ни на ласку, ни на поцелуи, которые я оставлял на её шее, стояла истуканом, забы-

вая дышать.

– Блядь! – выругался я и отпустил её, наблюдая, как та со скоростью света натягивает трусы, оправляет юбку, а заметив замявшиеся складки, и вовсе дергает молнию, чтобы стереть все следы моего порыва.

– Ты думаешь, я не вижу? – голос её дрожит, но так зло, напряженно. – Вижу! Ты меня терпишь, Вадим. Ждешь, что превращусь в грязную шлюху, которая будет стонать, как в фальшивых фильмах про секс!

Фильмы про секс...! Я чуть со смеха не прыснул, ещё бы эротику фильмами для взрослых назвала. Выдвинул ящик прикроватной тумбы, достал сигареты и вышел на балкон.

– Ты знал, какая я, – цедила мне в спину Нина, не обращая внимания ни на сквозняк, ни на отравляющий сигаретный дым. Сейчас ей было все равно. – Мы с тобой семь лет вместе, поэтому прекрати терзаться надеждами. Считай, что отсутствие страсти, которая тебе была не нужна от меня все это время – небольшая плата за мою верность и преданность тебе. Мы выбрали друг друга, потому что это правильно. Разумно. И выгодно. Я не отягощаю твою жизнь своим навязчивым присутствием, а ты... Ты...

Что я... так и не услышал. Эта стихийная разговорчивость супруги оборвалась со звонким щелчком челюсти. Нина распахнула глаза, а потом бросилась меня обнимать, осознав, что явно сболтнула лишнего.

– Вадюша! Ну хочешь, возьми меня! Вот, возьми!

Этого я вынести уже никак не мог. Затушил сигарету и вышел, стараясь не смотреть в её глаза, полные слез и обиды.

И всё же! Что даю ей я? Мечту, о которой бедная девочка из военного городка, затерянного в тайге, не могла и подумать?

Мля... Я ещё недавно размышлял об отвращении к бартерным отношениям. А в итоге? А в итоге у меня есть Семья...

Телефон с прикроватной тумбочки отвлек мои мысли настойчивой трелью, а на экране высветилось имя доктора.

Крошечка...

– Да, – я так голяком и пошёл в свой кабинет, проигнорировав растерянные «ой» Любови Санны.

– Вадим, – голос Герберта Ивановича был возбужденным и радостным, что ли... – Она пришла в себя! Но всего на минуту...

Глава 6

Перебирал бумаги на столе, пытаясь наметить план на ближайшую неделю, но, как бы это странно не звучало, всё портили длинные праздники. Многие с восторгом ждут эту долгую неделю, а мне тошно становится заранее, ещё в Рождество.

А сейчас прям особенно.

Ещё этот звонок Герберта...

Мысли то и дело улетали в баню, где в небольшой комнате лежит таинственная девушка. Открыл лэптоп и в сотый раз запустил то видео, которое мы с Русом уже до дыр засмотрели, пытаясь найти что-то новое. Но нет... Всё было по-старому: тонкая фигура девушки в распахнутой шубе, рвущаяся из последних сил навстречу то ли своей гибели, то ли спасению.

Меня терзали мысли: смог бы я оставить её там, на заснеженной обочине?

Не мог. Уже не смог, поэтому и терзаться смысла больше не было.

– Вадюш, – Нина стукнула в дверь ради приличия, дав время захлопнуть крышку бука. – У нас есть планы на праздники?

– У нас? – так хотелось рассмеяться, но сдержался. – Нет,

Нина. У нас нет никаких планов.

– Тогда ты сильно обидишься, если я съезжу к родителям? Я так понимаю, что у тебя работа, и ты вряд ли вырвешься на неделю? А я воздухом чистым надышусь, с родными увижусь.

– Правильно понимаешь. Но ты можешь ехать, – встал и открыл створку сейфа, достав новогодний подарок для жены, который не успел вчера вручить. Часы, как она и хотела, из белого золота и с кричащими бриллиантами, чтобы быть не хуже других жён. Нина вспыхнула, закрыла ладонями лицо и бросилась в мои объятия.

Что-что, а благодарить за цацки она умела весьма искренне, без этой мины отвращения. Радовалась, как девчонка, смеялась в голос, не беспокоясь о том, что подумает обслуга или соседи снизу. Срывала маску ледяной королевы и выпускала на волю настоящую Нину, которую я впервые увидел в Богом забытом военном городке на краю нашей Родины.

До сих пор в памяти отпечатаны её толстая коса, выглядывающая из-под белого платка, и по-детски румяные щёки. Казалось, от неё пахнет парным молоком и свежестью скошенной травы. Но с образом чистой скромной девчушки в простом сером халате не бился её взгляд. Она так пристально смотрела мне в глаза, не обращая внимания ни на своих родителей, ни на моих друзей, с которыми мы приехали отдохнуть на несколько дней. Оценивала, сверлила и даже не думала смущенно отворачиваться. Как снайпер. А целью её

был я.

Нет, это не была любовь с первого взгляда, даже похоти не случилось. Мы спокойно уехали на охоту, спокойно напарились в бане и тихо разошлись по номерам. Признаться, я уже вечером о ней забыл, пока тишину небольшого гостевого домика не взорвал неуверенный стук в дверь.

– Я пришла сказать, что лучшей жены вы не найдете, – робко сказала она и сдёрнула резинку с волос, рассыпая их по открытым плечам.

– Очень интересно, – рассмеялся я, но отошёл в сторону, выпуская ночную гостью. – А с чего вы взяли, что мне нужна жена?

– А жена нужна всем, Вадим Дмитриевич, – девушка быстро вошла в номер и остановилась в самом центре, неуверенно осматривая обстановку. На ней был короткий джинсовый сарафан и ужасные сабо на платформе с пошло сверкучими стразами. – Всем серьёзным мужчинам нужен тыл. И я готова стать вашей надёжной опорой.

– Так на меня вроде не нападают, да и держусь на своих двоих неплохо.

– Вы же понимаете, о чем я говорю, – девчонка дёрнула головой, вскользь осматривая меня с ног до головы.

– Как хоть тебя зовут, деточка?

– Нина, – выдохнула она и решительно дёрнула молнию, роняя тряпку к ногам.

– И сколько же тебе лет, девочка Нина?

– Двадцать, – она гордо вскинула подбородок и вновь лупанула острым взглядом, чуть задержавшись на груди в распахнутых полах халата.

– У тебя конкретное предложение? – собрался с силами и прошёл мимо, не выдавая ни удивления, ни желания рассмеяться над её напускной и глупой смелостью. Вся эта ситуация казалась тупым розыгрышем. Я знал, как продаются женщины, знал, сколько они стоят и что могут дать взамен за ласковое слово и блага современности. Но это чудо из глубинки откровенно потрясло меня.

– Да. Я готова обещать вам быть верной женой до конца.

– До конца чего, Нин? – не выдержал я и всё же рассмеялся.

Закурил, открыл балконную дверь и смело обернулся, блуждая взглядом по обнажённому телу отчаявшейся девушки. Аппетитная молодая грудь, плавная линия талии, толстые угловатые бёдра и простое хлопковое бельё. Нет в ней соблазнительности, грации, флирта, и нежности женской тоже нет.

Это были торги на бирже с четко сформулированным предложением, отвечающим моему спросу. Она стояла, еле заметно переминаясь с ноги на ногу. Таилась, притворялась, лишь бы получить то, чего хотела. А хотела она меня. А если честно, то вырваться из глуши она хотела намного больше, чем меня.

– Я вам не нравлюсь?

– Молоденькие девушки не могут не нравиться здоровому мужчине. Это физика.

– Значит, нравлюсь? – Нина поджала губы, словно мои слова не пришлись ей по вкусу. Видимо, рассчитывала услышать что-то на «поэтическом». Я едва не прыснул со смеха от собственных мыслей, вовремя вложив в губы сигарету.

– Если я вам не противна, то мы можем заключить договор, Вадим Дмитриевич. Я согласна на все ваши условия.

– На все? Деточка, ты даже не понимаешь, на что ты соглашаешься, приходя ночью в номер взрослого мужчины.

– У меня одно условия, – Нина подцепила пальцами трусики и рывком скинула их, вышагивая из вороха одежды на полу. – Только заберите меня отсюда...

А сейчас я смотрел на лощёную женщину, которая пахнет дорогим парфюмом, а не парным молоком. Вот только тепла не осталось. Да, она стала тылом, несмотря на то, что война так и не началась. Надёжным. Пуленепробиваемым, но холодным, как дрейфующая льдина в океане.

– Боже! Вадюш, это же очень дорого! – супруга пищала, прыгала и чуть ли ламбаду не отплясывала, смотря на новую игрушку. – Вот в них и поеду! Пусть все увидят, как меня ценит муж.

Ценит... Не любит, не обожает, не балует... ЦЕНИТ...

– Ты Рустама предупредила уже? – достал телефон и набрал начбезу короткое сообщение, лишь бы отделаться от

собственных крамольных мыслей.

– Зачем?

– Ты же не думаешь, что я отпущу тебя одну?

– Ну, хорошо. Тебе виднее, конечно. Только билетов нет, я подумала, может, ты Куталадзе набёрешь? – Нина вальсировала, держа коробочку на вытянутых руках. – На его джете намного спокойнее, Вадюш.

– Наберу...

Дождалась очередной овуляции, вытерпела унижительный секс с собственным мужем, и снова свободна. Теперь опять туры за шмотьём, бранчи с подругами и бестолковое исследование салонов красоты, чтобы заставить женское время притормозить свой бег.

Руки стали машинально бить по карманам в поисках утешительного никотина, потому что иногда лучше не разоблачать коварные планы жён, чтобы спать спокойно.

Тем не менее, я покорно набрал друга, чтобы организовать комфортный перелёт, и почему-то сел в кресло, наблюдая за ней. Сборы прошли молниеносно, казалось, что Нина ещё до нашего разговора собрала вещи. А когда заглянул в приоткрытую дорожную сумку, забитую аккуратно упакованными деликатесами, от сомнений не осталось и следа.

– Бинго...

После того, как счастливая супруга в компании двух охранников отчалила в аэропорт, а квартира опустела, я первым делом вырубил батареи, выставленные на максимум, от-

крыл все окна и закурил прямо в столовой, стряхивая пепел в розовую фарфоровую чашку из сервиза, за которым она гонялась целый год. Фарфор... Запеченная белая глина стоимостью, как крыло самолёта. Дурь... И то, что я, стоя в пустой квартире, думаю о розовых чашках, тоже дурь.

А ещё через полчаса бестолкового сражения с самим собой я уже сидел в машине.

Вся эта ситуация с безымянной девкой занозой в заднице сидела. Я терпеть не мог отсутствие прогнозов, нет, понятно, что ситуация в мире такая, что горизонт планирования сильно сузился, и мне уже сложно строить «пятилетки», но блядь! Чтобы не выстроить прогноз на одну девчонку – это просто возмутительно!

Точно.

Она просто выбивается из прогнозов!

Ага... Наверное, поэтому я помню этот приторный солоноватый запах крови и аромат сладкой ванили, которой пахла её бледная кожа. Крошечка.

Глава 7

Федя, как ни странно, но решил все же объехать тот злополучный участок дороги, надеясь, что в выходной мы не встанем в пробку. Но как бы ни так...

За пару километров до посёлка научных работников, который теперь больше походил на элитный райончик столичного тихого пригорода, чем на бывшее место обитания интеллектуальной элиты, мы встали в пробку. Ну как – в пробку... Вереница Майбахов выстроилась ровным рядком, ожидая, пока снегоуборочная техника разгребёт последствия вчерашнего природного безумства. Водители отчаянно гудели в клаксоны, нарушая тишину природы, выказывая недовольство господ, скрытых за глухой тонировкой бронированных стекол.

– Вадик! – стук в окно заставил меня вздрогнуть и отвлечься от нудного мониторинга умерших на новогодние праздники рынков, а отодвинув занавеску, увидел знакомые фигуры. Мда... Отдохнул от суеты, называется...

– Какими судьбами? – щелкнул замком, впуская в теплый салон зябкость ветра и разругавшихся друзей.

– Выюга, ты отъявленный мерзавец! – Константин Каратицкий, он же Каратик, упал на кресло напротив меня и, махнув Федору в знак приветствия, поднял толстое тонирован-

ное стекло, ограждаясь от охраны. – Прости, Федь, о бабах толковать будем, не обижайся.

– Высокопарные слова, – Денис Раевский плюхнулся рядом. – Он чистой воды мудак! Давайте называть вещи своими именами?

– А мудачество вообще лечится? – Гора, он же Горислав Горозия, забрался в салон последним и с откровенным раздражением хлопнул дверью. – Я слышал, что оно, как ВПЧ, либо есть, либо нет. Пора смириться, братья, что друг наш – мудак.

– И вам здрасьте, други мои, – хрипло рассмеялся я, осматривая взрослых мужиков, в глазах которых до сих пор поблёскивает не растраченный юношеский задор. – Чем обязан?

– И почему же это ты, Вадим Дмитриевич, старых друзей в долю не взял? – Каратик закурил и наклонился, чтобы в глаза заглянуть. – А как же дружеское плечо и поддержка пусть не кровных, но братьев, от голодной старости? А?

– Ладно, клянусь отправлять с каждой зарплаты вам гуманитарную корзину с колбасой и сушками, – ржал я в голос.

Каратицкий сильно преувеличивал всю степень бедственного положения этих холёных придурков. Познакомились мы лет двадцать назад на форуме молодых бизнесменов, с тех пор и не расстаёмся.

За плечами Каратика вся частная медицина области, но он лет пять назад оставил бизнес и с головой подался в поли-

тику, готовясь усесться в мэрское кресло, не без помощи отца, естественно, который пока ему это самое место прогревает. П-преемственность.

Раевский же вовремя подгрёб всех более-менее толковых юристов под своё крыло, первое время выплачивая им гонорары из своего кармана. А когда весь регион понял, кто тут «папа закона», Рай расправил плечи. Поэтому ни одна судебная тяжба, будь то бытовая делёжка имущества или спор за пару гектаров федеральных земель, теперь без него не проходит. Хочешь знать, что происходит в мире – иди к Раю, он знает о каждом. И даже то, что люди хотят скрыть.

А Гора Горозия у нас великий строитель, в городе уже скоро не останется ни одного куса земли, где он не зарыл бы свой трофейный кирпич. Он, в отличие от нас, не вырос с золотой ложкой во рту. Голодный, жадный до свободы после детского дома, он волей случая оказался на том форуме, не спикером, конечно, а грузчиком. Мы с пацанами, устав слушать нудные речи стариков, стырили бутылку вискаря и дружно отправились бухать на улицу, где и налетели на местную гопоту. Слово за слово, и уже драка. Их было больше, а в нас было больше пафоса и алкоголя, за что мы и рисковали выхватить.

Скорее всего, Гора нас пожалел, поэтому, даже не думая, вписался, побросав какие-то ящики, что тягал в подсобку ресторана. Наверное, так и получается настоящая мужская дружба, скрепленная кровью и симметричными фингалами.

– Ты почему только Куталадзе в долю взял? Аэропорт они строят! – возмутился Рай. – Когда их за жопу берут, так сразу к Раевскому, а как бабки пилить, так мы выбирать начинаем, да, Вьюга?

– Что ты с ним разговариваешь? – Горозия махнул кулаком. – Сейчас морду ему отполируем и выбросим на обочину, а дядям полицейским скажем, что так и было. Рай умеет убеждать, поэтому нас даже в обезьянник не сводят на экскурсию.

– Ладно-ладно... – я вскинул руки в примирительном жесте. – А вы сами виноваты, братья мои. Кто проигнорировал приглашение на день рождения Нины? Вот кто пришёл, тот и в теме.

– А... – мужики многозначительно переглянулись и как-то успокоились. Из всех моих друзей Нина переваривала только Куталадзе, потому что он единственный был женат, а остальных она не воспринимала всерьёз, считая бабниками и ненадёжными товарищами. Не проходили они фейсконтроль моего тыла. Сильно недотягивали.

– Ну а сейчас-то расскажешь? – Гора откашлялся и отвел взгляд.

– А вы сами-то готовы? Это проект лет на семь, выхлоп получим в лучшем случае через десять, поэтому если есть лишние лимоны, то добро пожаловать в ад. Разборки, купленные тендеры, пилёж федеральной земли... Короче, всё, как я люблю. А... Забыл про угрозы. Кстати, первую весточ-

ку от Исаева я уже получил. Старик очень хочет закрепиться в той области.

– Мы в доле, Вьюга, – закивал Гора. – Исай давно уже в пенсионном фонде за перерасчетом должен стоять, а всё туда же!

– Ага, – Каратицкий цыкнул и прикурил новую сигарету, напряженно о чем-то размышляя. – Вообще, Гора прав. Старик давно веса не имеет, а мы ж не на его бабло претендуем, так какого хера он с угрозами лезет?

– А тебе вообще о бизнесе нельзя думать, – рассмеялся Рай, хлопнув Костю по плечу. – Ты теперь слуга народа, друг. Забудь о бабле и разборках. Твое дело – дороги чинить и следить за вовремя вывезенном снегом, чтобы такие, как мы, не торчали в пробке на въезде в свой посёлок!

– Уймись, Рай! – Костя отмахнулся от нудных нотаций юриста.

– Ладно, давай об этом позже, – я вздохнул и достал из бара бутылку коньяка. Время безжалостно. Его катастрофически не хватает, чтобы вот просто так поспорить с друзьями или выпить в тесном кругу, а сейчас такой случай удачный, что грех не воспользоваться. – У меня сейчас голова о другом болит, если честно.

– Куда деньги деть? – заржал Рай. – Если есть лишние, то могу помочь их освоить.

– Хуже, – выдохнул я и, чуть помедлив, рассказал друзьям и про девку на дороге, и про то, что Герберт уже несколько

дней её выхаживает, и про то, что недавно она пришла в себя на несколько минут.

Мужики передавали бутылку из рук в руки, слушали внимательно, не сводя с меня сосредоточенных взглядов. Да для полноты картины им только открытых ртов не хватало. Первым паузы не выдержал Горозия, он задумчиво почесал свою густую щетину, громко хмыкнул и достал телефон:

– Морозов, а ты недавно мне сводку читал, там ничего странного не было? Пропажи, поиски, или ещё что? – Гора кивал, слушая своего начальника службы безопасности, а потом так же молча отключился и пожал плечами. – Трое суток прошло, уже как минимум должны подать в розыск.

– Вот и я об этом, – откинулся на сиденье.

– Вадь, а может, прав Акишев? Прошманде? – протянул Каратик. – Сейчас эскорт денег стоит больше, чем годовое ТО на немца. Отсюда шмотки и цацки.

– И тут мы доходим до самого интересного. Герберт слишком дотошный и, очевидно, решил меня разорить на обследовании безымянной девчонки, поэтому после осмотра гинеколога на предмет внутренних травм оказалось, что наша так называемая прошманде целая и невредимая. В смысле, девственница, – добил я мужиков фактом, над которым сам долго размышлял. – Сосалкам сложновато, наверное, накопить на «картье», как думаете?

– Дичь какая-то! – Раевского даже передёрнуло от бредовости всей этой ситуации. – А вы местность проверяли? Мо-

жет, там что-то важное?

– Ага! Чтобы потом привести хвост к своему дому? Рай, ты голову-то включай.

– Тоже верно. И что? Теперь просто ждать?

– Ну, хорошо, – Каратик поморщился от слишком большого глотка. – Придёт она в себя, скажет своё имя, а дальше? Ты отвезешь её туда, откуда её гнали, что ли?

– Не знаю, мужики. Не знаю...

– Выюга-выюга... – запричитал Гора. – Все дороги ведут к ментам.

– Ага. Только к ним нельзя. Они меня журналюгам солят, и тогда не видать Вадику ни аэропортика, ни входа в конструкторское бюро, чтобы самолетики делать для людей.

– Шеф, – водитель стукнул в перегородку. – Расчистили.

– Ладно, – Гора открыл дверь и первым вышел на улицу. – Пусть сначала в себя придёт, а потом думать будем...

Глава 8

Дом меня встретил теплом, треском огромного камина и ароматом жареной утки. Внутри все взбунтовалось, и я машинально закрыл все створки шкафа. Рефлекс Павлова, ей Богу...

– Клара! – зарычал я, не сумев справиться с эмоциями.

– Вадим Дмитриевич, – из дальнего коридора вышла моя преданная экономка.

Клара Ивановна была со мной с первого дня моей самостоятельной жизни. Ненавязчивая, сухая, немногословная, она с лёгкостью взяла на себя всю тяжесть быта. И я даже подумать не мог, что это закончится с появлением Нины на пороге моей квартиры.

Клара, в силу врождённой тактичности, терпела вечные придирки невесты, пыталась подстроиться, терпела и ни разу не выразила своего недовольства, в отличие от Нины. А вот я не смог смотреть на это безумие, потому что всем было ясно, как божий день, что общего языка они уже не найдут. Поэтому после очередной истерики я предложил Кларе сменить место работы, а она обрадовалась, потому что жизнь в городе для неё была сущим адом.

Скоренько купил для неё и её мужа, дяди Егора, который теперь помогал ей по хозяйству, квартиру в ближайшем к

посёлку городке, определил пенсию и вручил ключи от дома, где она могла чувствовать себя спокойно.

– Утка?

– Вы же любите утку, Вадим, – Клара постояла, а потом хитро улыбнулась и шагнула ко мне, обнимая по-матерински. – Я же не знала, с кем ты будешь, а супруга твоя ест только утку, – женщина отпрянула, сверкнула острым взглядом: – А для тебя в духовке румянится картофельная запеканка.

– Спасибо, – я даже не стал парировать, что Нина только утку и умеет готовить, поэтому козыряет ей на всех праздниках, вызывая снисходительный смех друзей и родных. Вместо этого обнял Клару Ивановну в ответ, а потом достал из-за спины пакет с традиционным подарком. – Это тебе.

– Спасибо, – женщина сдержанно улыбнулась, приняла презент, но внутрь не заглянула. Ничего не меняется... Весь её вид привычно кричал о безразличии, но завтра, накрывая завтрак, она будет улыбаться, ловя в отражении зеркал блеск новой броши. – Ваша спальня готова, ужин я могу подать хоть сейчас. Вы будете один?

– Да, – не смог сдержать улыбки. Клара вечно прыгала, то выкая, чтобы выстроить дистанцию, а иногда расслаблялась и позволяла себе чуть больше.

Когда гостиная опустела, глубоко вдохнул. Этот дом умел дышать... Воздух здесь был кристально чистый, звенящий комфортной прохладой, высоченные потолки дарили ощу-

щение свободы.

Сдернул галстук, пиджак, бросил их на спинку кресла. Расстегнул несколько пуговиц, закатал рукава и сел в кресло у камина, включив ноутбук, намереваясь все же просмотреть последний проект аэровокзального комплекса.

– Я позволила себе вольность, Вадим, – Клара внесла поднос с дымящейся запеканкой и стала накрывать на стол.

– Присоединитесь?

– С удовольствием, – женщина вспыхнула, но всё столь же сдержанно отправилась на кухню, а ещё через несколько минут мы в уютной тишине ели коронное блюдо Клары Ивановны.

– Как дела?

– Быки твоего Акишева вытоптали мои гортензии, Вадим Дмитриевич. Огромная территория, а им спарринги нужно устраивать у главного входа? – Клара фыркнула и бросила горький взгляд сквозь панорамное окно на замятый сугроб.

Акишев после последнего подрыва моей тачки совсем с катушек слетел. Раздул штат охраны, превратив и городскую квартиру, и офис с загородным домом в неприступную крепость, а базой для тренировок, естественно, выбрал это тихое место.

– Они тренировались у бани, но Герберт их оттуда погнал, – даже напрягся, вспомнив, что в глуби леса в небольшом домике спит Крошка. – Я поговорю с Рустамом.

– Будьте так любезны, – Клара довольно кивнула и вновь

стала ловко орудовать ножом и вилкой. – Вы с Гербертом разминулись, он передал, что приедет завтра ближе к обеду.

– Хорошо, – я отодвинул тарелку и закурил, наблюдая, как медленно загораются огни уличного освещения. Цепи неоновых гирлянд потянулись по каменным башням забора, размываясь нечетким следом среди пушистых веток елей.

Время здесь не то чтобы останавливалось. Оно становилось другим: важным, медленным, наполненным жизнью. Даже бессонные ночи в свете тусклой лампы над ворохом документов несли не усталость, а удовлетворение. Казалось, что я занимаюсь чем-то важным, нужным и не бессмысленным. Вот и сейчас в голове застучали молоточки от нетерпения уединиться в своей спальне, где у огромного окна стоял дубовый стол с зелёной лампой.

– Жалко девчонку, – выдала Клара, а потом поднялась и стала убирать со стола.

Её слова прозвучали как приговор. В них было слишком много жалости к «подкидышу с большой дороги». Я оторвал взгляд от окна и сконцентрировался на Кларе: поджатые губы, сведенные на переносице брови и жесткая линия напряженной челюсти. Женщина всем телом транслировала тревогу и смятение.

Хм... Можно подумать, я в восторге от всей этой ситуации. В моём доме поселилась Спящая красавица. Под моей крышей в любой момент может оказаться труп, и именно мне придётся разгрести все это дерьмо! Зато спас... Или

обрёк на вечный сон. Надо было ментам сдать. Точно надо было. Сейчас бы не терзался никому не нужными вопросами и догадками.

– Прав старик Герберт, звери и то гуманнее. Прав...

– Она больше не приходила в себя?

– Нет, – женщина чуть замешкалась, а потом открыла бар и налила мне стопку коньяка. – Только плачет каждую ночь. Не двигается, лишь скулит, как забитый волчонок.

– Мы не знаем ни кто она, ни каким образом очутилась на мёрзлом поле, Клара Ивановна. Поэтому рано жалеть девку, для этого нужны основания.

– Она просто девчонка, попавшая в большую беду, Вадим. Это человечность, для этого не нужно никаких оснований, никому не нужных аргументов, и тебе ли не знать о жалости? – Клара недовольно цыкнула и усмехнулась, когда мой телефон ожил входящим видеовызовом от жены. – Кофе подать?

– Да, Нина, – внезапно откровенность женщины полоснула лезвием по чему-то живому, словно по ещё не затянувшемуся шраму. Отвернулся, нарочно проигнорировав её вопрос, слушал звонкий цокот удаляющихся шагов, уже сгорая от чувства вины.

– Вадюша, я на месте! – звенящее счастье в голосе супруги меня весьма удивило. – А ты опять удрал в свой замок? Поди, и с обслугой ужинал?

– Как родители? – я сменил тему, не желая продолжать

эту бессмысленную перепалку. То, что её «голубая кровь» не позволяет этих вольностей, это уже всему персоналу было известно. Мне-то для чего это повторять?

— Всё хорошо, крыша только прохудилась, меня поселили в гостевую комнату, представляешь? Вадюш, ты бы позволил...

Выслушав указы жены, я всё же сделал пару звонков и пошёл в свою спальню, прихватив бутылку коньяка. Принял душ, сел в кресло у окна, наблюдая, как очередная волна снегопада накрывает посёлок.

Мысли вяло крутились вокруг проекта, я машинально делал пометки, чтобы вернуть на доработку архитектору, прекрасно понимая, что настрой на работу пропал.

Откинул голову, закрыл глаза всего на мгновение, чтобы просто надышаться запахом сухого смолистого дерева...

... Холод медленно скользил по коже, а противный писк сигнализации раздражал слух.

Черт! Почему так холодно?

Когда веки распахнулись, я даже не сразу понял, что что-то не так...

Окна были закрыты, как и дверь на террасу, но меня слегка потрясывало от настырного морозца. Натянул футболку и уже хотел было рухнуть в постель, как что-то за окном привлекло моё внимание.

Сдвинул тюль, пытаюсь понять, что изменилось...

Свет! Весь посёлок накрыла тьма, лишь несколько домов

переливались тусклым светом дежурного освещения. Приоткрыл дверь, слушая истеричную перепалку собак, крики охраны, смешанные с противным писком каких-то датчиков.

Сердце пропустило удар, потому что на фоне кристальной белизны снежного покрова показалось, что в остеклённом переходе из бани к дому промелькнула тень...

Показалось?

Не сводил глаз с домика вдалеке, всматривался, искал подтверждение своим галлюцинациям, а сам рукой шарил по деревянной поверхности стола, чтобы найти телефон.

– Рус? Охрана звонила? – рывкнул я в трубку, как только услышал по-сонному хриплый голос начбеза.

– Вадь, авария на подстанции. Сейчас парни запустят генераторы, мы думали, ты спишь, не хотели будить.

– Почему генераторы не врубились автоматом? – я накинул на плечи свитшот, оставшийся лежать после последней пробежки, и зачем-то пошёл вниз.

– Ошибку выдаёт, падла немецкая. Запустился только один, на котором половина первого этажа, зато гарантию на двадцать лет обещали!

Акишев даже заикаться начал от непривычной ему роли оправдывающегося. А пусть знает!

На первом этаже и правда было теплее. Правое крыло дома, с вереницей гостевых комнат, было погружено в тревожную темноту, а левое, где находились столовая, гостиная, кухня и хозяйственные помещения, обнадёживающе подсве-

чивалось дежурным освещением, тянувшимся вдоль плинтусов.

Я закрыл дверь в правое крыло, чтобы не терять тепло. Непонятно, сколько придётся сидеть без электричества. Сомневаюсь, что в такой снегопад аварийная бригада оперативно справится с обрывом.

– Основное питание не будет работать, пока не запустят главный генератор, Вадь. Но отопление и кухня запитаны... Я буду утром со спецами.

– А баня? Она от чего запитана? – От внезапной мысли по хребту побежал разряд тока. Я замер у камина, смотря вглубь рощи.

– Бляяя...

– Отбой, Акишев!

Я терпеть не мог, когда люди пытаются оправдаться, вместо того чтобы взять на себя ответственность. А ведь это его зона контроля! Дом должен тестироваться на автономность раз в две недели, чтобы просто дать возможность сложным инженерным системам ощутить ток в своих проводах. А вместо этого... Короче, имеем то, что заслуживаем.

Мысленно продолжал казнить каждого, кто недоработал, спускаясь в подвал. Сто раз проклял себя, что не надел обувь, потому как каменные ступени неприятно холодном ноги.

Не знал зачем иду туда... Не было мыслей, лишь инстинкт и недоброе предчувствие, шуршащее где-то в подкорке моз-

га. Подсвечивал себе путь холодным светом телефонного фонарика и прислушивался к каждому шороху. Где-то вдалеке противно пищали датчики, сигнализируя о потере сигнала, а от гранитных стен отражался звук шагов, вторя бухающему в груди сердцу.

Признаться, было жутко. Атмосфера больше напоминала триллер, сюжетом которого не предусмотрено спасение моей жалкой жизни. Надо было охрану взять. Какого черта я попёрся сюда один?

Когда до массивной сейф-двери оставался всего шаг, остановился, уловив отчетливое завывание. Нет, это был определенно не ветер! Затаился, медленно подойдя почти вплотную, а когда услышал слабые удары в металлическое полотно, понял, что все это далеко не глупое совпадение.

Монитор электронного замка пищал всё тише, отчаянно моргая значком разряженный батареи. Приложил к экрану руку, и замок звонко лязгнул, открывая совершенно жуткую картину моей реальности...

Девчонка сидела на полу, вяло стуча трубкой от капельницы по полу. По её руке тек багряный ручеек темной крови, теряющийся на больничной сорочке.

Кусок ткани с завязками на спине болтался, открывая худые угловатые плечи, неестественно выгнутые ноги. Но шокировало меня не это, а то, что находясь чуть ли не при смерти, она так трогательно прижимала к груди рыжего, невесту откуда взявшегося котёнка.

Она слышала меня, но в ней словно не было сил ни закричать, ни заговорить. Она просто умирала, согревая собой трясущееся создание.

– По-мо... по-мо... ги...– хрипела она, царапая ногтями каменный пол.

Глава 9

– Чёрт! – я подхватил её на руки и рванул со всех ног в дом. Влетел в гостиную, сбросил толстовку на пол у камина и усадил крошку. Её даже не трясло, она просто была как ледышка. Красивая, холодная и еле дышащая.

Вытащил из шкафа террасные пледы, укутал её, прижал к себе и сел как можно ближе к огню. Все мои движения были какими-то инстинктивными, неподдающимися разумному анализу.

Ладонями растирал её руки, разнося кровь по всему телу, а потом достал из кармана штанов телефон. Единственный человек, который может сейчас помочь – Герберт... Старик взял трубку после второго гудка, спокойно выслушал меня и дал четкие указания, пообещав приехать как можно скорее.

В принципе, я мыслил верно. Сейчас главное – согреть её, а с остальным Герберт разберётся.

Подтянул кресло, чтобы опереться спиной, а сам продолжал с силой растирать кожу, пока под ладонями не начало теплеть. Странные, испуганные мысли стали душить меня неудобными вопросами: «А что было бы, не приедь я за город? Что было бы, если б остался в квартире?» Девка бы замёрзла, так и не успев поблагодарить за своё спасение? Бред... Спас от холода, заморозив в бане на опушке леса!

Она была болезненно-худой... Кожа напоминала тонкий шелк: нежный, полупрозрачный и переливающийся на свету. И я уже не мог остановиться.

Это было так странно. Необычно...

Сидеть в тишине своего дома, обнимая незнакомку, и так нагло, безнаказанно узнавать её на ощупь. Тонкие длинные пальцы рук, шероховатая от ссадин кожа ладоней, переломанные ногти... Чувствовал каждую родинку, такие безупречные веснушки, полупрозрачные мягкие волосы. Медленно скользил взглядом по соблазнительной шее, пока не напоролся на синюшную борозду, которую раньше не замечал. Кольцо кровоподтёка напоминало след от ошейника, словно её, как нашкодившего щенка, выводили на прогулку под чутким контролем человека.

Человека? Это который про человечность? Ха, Клара Ивановна... Разве человечность побуждает мужчин к столь извращённым играм? Нет... Их побуждает сладкое ощущение власти, приобретаемой с хрустящими банкнотами.

Но самое противное, что именно сейчас я на мгновение почувствовал то же самое!

В моих руках идеальная игрушка, полностью зависящая от меня и моих желаний.

Вкусно? Да... Но лишь на мгновение, а потом по языку разливается горечь от разочарования в самом себе. Борюсь с собственным эго, понимая, что это чувство самозначимости временное. Этакий пробник, который выдан тебе на тот

период, пока есть бабло и власть. Вот с этим я и борюсь.

Крошка, как старинная статуэтка балерины – сверхидеальная, сверхдорогая и сверххрупкая. А как известно, именно с такими вещами хочется играть в первую очередь: бродить по тонким граням фарфора, восхищаться утончённостью и бояться, чтобы мама не увидела твою вольность. Ощущал себя преступником, маньяком... Перебирал спутанные длинные волосы цвета серебристой морозной платины, чувствовал тихое биение сердца, то и дело прижимая руку к её груди.

Безумие! Чистой воды помешательство. В тёплом свете пламени она была ненастоящей, прекрасной крошечной куколкой, которую так настойчиво пытались угробить.

Внутри что-то щёлкнуло. Так отчаянно громко, звонко и неожиданно. Желание защитить, укрыть, спрятать стало душить бешеным сердцебиением, вырывающимся хрипом на каждом выдохе.

Когда её кожа стала терять синюшный оттенок, я выдохнул. Завернул крошку в ещё один плед и уложил на пол. Встал и практически бегом рванул к бару, свернул пробку на бутылке с «беленькой», сделал два жадных глотка, зажевал лимоном с блюдца с остывшим кофе, принесённым Кларой, и упал на диван.

– Да, – шёпотом ответил я на входящий вызов от Акишева.

– Вадим Дмитриевич, – сухо начал он, голос уже поте-

рял сонные нотки. – Ещё один генератор запущен, второй этаж теперь тоже функционирует в полном объёме. А вот с третьим большие проблемы, которые сможем решить только утром.

– Ясно.

– Как девка? – прокашлявшись, всё же спросил Рус.

– Спит на ковре у камина, – усмехнулся я, не сводя с моего «подкидыша» пристального взгляда. – Она пришла в себя, скулила в переходе из бани в дом. Еле дышала, хрипела, скреблась в дверь, но продолжала согревать какого-то рыжего котёнка. Акишев, мать твою, откуда у меня в доме кошка?

– Вадь, я откуда знаю? Меня Герберт в баню даже не пускал. Бойцов с площадки выгнал, чтобы в окна не заглядывали, устроил там изолятор, чтобы даже близко никто не дышал. Я одеваюсь уже, скоро буду...

– Утром приезжай, – бросил взгляд на часы. Три часа ночи... – Поздно с котёнком разбираться.

– Есть!

– Ты добыл записи видеокамер с дороги?

– Завтра обещали, Вадь. Никто не хочет работать в новогодние праздники. А то, что удалось нарыть – пустое. Там нет девчонки.

– Слушай, а не в том ли направлении посёлок химкомплекса Лёни Иванецкого? Помнишь, мы там ещё землю хотели купить, пока Каратик нам не помог с этим местом?

– Ну как рядом? Там до дороги километром пятнадцать, –

усмехнулся Рус, а потом голос его стал тихим-тихим, будто он замедлился, чтобы что-то обдумать. – Пока идёшь, можно окочуриться от холода...

– Мы поняли друг друга?

– Вадь, да Иванецкий меня к стенке поставит, если я подкачу к его безопасникам! – захрипел друг. – Как я добуду записи?

– А ты не иди к безопасникам, Рус. Найди того, кто живёт там!

– Есть, – снова отрапортовал Акишев, понимая, что теперь я с него не слезу, пока он не добудет то, что мне нужно.

Я ещё немного посидел, пытаюсь успокоить внезапное внутреннее возбуждение. Точно! Тот участок дороги, где нашла Крошка, был в равной удалённости – как от моего дома, так и от посёлка «Ладья», принадлежавшего верхушке химической корпорации «Химфарм-про», владельцем которой был Леонид Иванецкий. Мы с ним пересекались на нескольких форумах, но никогда не общались, потому что зоны интересов у нас разные. Он, как полоумный, скупает всё, что относится к фарме, а мне это неинтересно. Но однажды нам всё же удалось побеседовать, когда Акишев привёз меня оценить кусок земли. Я даже из машины не вышел, осматривая бездушное поле, замкнутое между двух помпезных дворцов с замковыми шпилями.

От того, чтобы разорвать Руса на кусочки, меня остановил визг тормозов чёрного мерина, замершего около меня. Лёня

Иванецкий с нескрываемой гордостью вышагнул из тачки, чтобы лично поприветствовать потенциального покупателя. Рассыпался в комплиментах, расписывал всеми цветами радуги свои угодья, лишь бы просто забрать мои деньги. А ещё с отпрыском своим познакомил... Как его... Степан? Иван? Не помню уже, этакий представитель бомонда, выросший на шёлке и с золотой ложкой во рту.

Участок я тот брат не стал, чем несказанно обидел Иванецкого. А через месяц Каратик привез нас с друзьями в старый посёлок местного НИИ, земли в котором стали распродаваться. Цена была сносной, размеры наделов – шикарными, но главным плюсом стали хаотично разбросанные участки. Ландшафтный дизайнер отработал на ура, поэтому ни из одной точки дома ты не видишь соседние крыши. Сориентироваться можно лишь вечером, когда вспыхивает искусственный свет в окнах, пробиваясь через густую листву посадки. Вроде рядом. А ощущение, что ты одинок на этой планете.

Но сейчас я не был один, сейчас на полу у камина лежала крошечная незнакомка с рыжим котёнком на груди. Чудеса...

Ну и что дальше? Оставить её здесь? А если проснётся? Я пошёл в кухню, осушил бутылку минеральной воды, налил в миску молока и вернулся в гостиную. Рыжий гад словно учуял еду и с оглушающим мурчанием спрыгнул с Крошки, игриво семеня в мою сторону.

– Прости, дружок, но в спальню я тебя точно не пушу, – сбросил на пол подушку с дивана, посадил котенка и поставил рядом миску с молоком. Три часа ночи, а я кормлю приبلудного кота и ношу на руках безымянную девку...

Подхватил Крошку и пошёл на второй этаж. Уложил её на кровать, а сам сел за рабочий стол, решив, что самое время закончить проект...

Глава 10

Слабый, еле слышный хрип разрушал мой тревожный сон. Открыл глаза, пытаюсь понять, какого чёрта я не в своей кровати, а до сих пор за рабочим столом. В окно проникали расцветные мутные лучи, заливая комнату холодным светом.

Воспоминания о вчерашнем вечере кипятком пробежали по нервным канатам. Вскочил со стула, первым делом обернувшись к кровати... Горький вздох вырвался, когда я увидел огромные голубые глаза, переполненные испугом...

Девка сидела, прижавшись к велюровому изголовью. Натянула одеяла до подбородка, то ли прикрываясь сама, то ли пряча рыжий комок, чей полосатый хвост торчал из вороха простыней. Она открывала рот, пыталась то ли закричать, то ли что-то сказать, но могла выдать только хриплое бульканье. Прижимала руку к горлу, очевидно, испытывая сильную боль. Мне знакомы эти ощущения по последствиям подрыва моей машины полгода назад. Я несколько дней лежал с этими трубками в глотке, а когда их сняли, то еще почти неделю не мог говорить нормально.

– Это прозвучит странно, – внезапно усмехнулся я, но выйти из-за стола так и не решился. Видел, как её колошат крупная дрожь, поэтому и дал время нам обоим, чтобы привыкнуть. Но кого я обманываю? С этим невозможно

свыкнуться ни при каких обстоятельствах. – Но здесь ты в полной безопасности.

Крошка замерла на мгновение, дёрнула головой и вопросительно повела бровью.

– Я нашёл тебя на обочине трассы неделю назад. Ты бросилась под колёса моей машины. Ты что-нибудь помнишь?

Она отчаянно мотала головой, шурилась, словно напрягала память, чтобы удостовериться в правдивости моих слов. Странно... Она молчит. Сидит в десяти метрах от меня, а ощущение, что я её чувствую. Сильнейшие волны паники, страха и непонимания пробивали меня, как стрелы лука.

– Я тебя не трону, – поднял руки и аккуратно встал из-за стола. – Скоро приедет доктор, он осмотрит тебя. Первая помощь тебе была оказана, серьёзных повреждений не обнаружено, ты несколько дней валялась в отключке. Мы не знали, придёшь ли ты в себя или нет.

Крошка вдруг откинула одеяла и стала осматривать себя, позабыв обо мне. Поэтому мне оставалось лишь воровато скользить по её телу: длинным ногам, покрытым ссадинами и жёлтыми кровоподтёками, рукам, пестрящим алыми следами от бывших тонких порезов. Больничная ночнушка съехала, открывая молодую упругую грудь и уродливые кляксы синяков. Они цветами василька были рассыпаны по бледной коже, спускаясь к нежно-розовому соску.

Зверьё...

Гнев и чувство кипучей ненависти прожигали меня изнут-

ри. Не понимал! Презирал! Ненавидел таких особей прямоходящих, чьей забавой было загонять зверьков, и без того находящихся в клетке.

Крошка беззвучно плакала, даже не замечая собственной наготы. Она оплакивала своё тело, своё беспамятство и то, что очнулась в комнате совершенно незнакомого человека. Вскинула на меня огромные глаза цвета весеннего безоблачного неба. Не шевелилась она, не двигался и я. Смотрели друг на друга, не решаясь нарушить это странное, но какое-то расслабляющее мгновение.

В доме стояла трескучая тишина, ничто не отвлекало, не мешало. Её взгляд медленно, аккуратно двинулся... Девчонка заскользила по лицу, прошла по шее, чуть притормозив на рваном шраме, выглядывающем из-за ворота футболки, бегло прошла по телу, а потом так же неспешно прошла по всей комнате, запнувшись о приоткрытую смежную дверь. Проследил за её взглядом и понял...

– Туалет?

Она в ответ смущённо кивнула и всё же подтянула одеяло, скрывая от меня своё тело.

– Я могу тебе помочь?

Крошка дёрнула плечами и самостоятельно попыталась выбраться из плотного клубка одеял и пледов, в которых я её сюда принёс. Было видно, что тело её практически не слушается.

– Я тебя не обижу, – выдохнул и подошёл к ней.

Она сжала губы, горько вздохнула, словно споря с самой собой, но руку протянула. Встала, сбрасывая с колен рыжее мохнатое чудище, каким-то образом очутившееся на втором этаже. Кот недовольно мяукнул, зевнул и снова рухнул, зарываясь в плед, до сих пор хранивший её тепло.

Крошка явно хотела сама дойти до ванной комнаты, но ноги жили собственной жизнью, она морщилась, хрипела, преодолевая боль, и храбро терпела. Смотрела на дверь и делала крохотные шажки, сжимая мою руку.

– Я только помогу, крошка, – прошептал я и с лёгкостью подхватил её невесомое тело, ощущая, как её тёплая рука легла мне на шею. Вошёл в ванную и поставил её на пушистый коврик в центре. Бросил взгляд на часы, мысленно чертыхнувшись. Уже девять утра, а дома до сих пор никого? – У меня есть экономка, которая может помочь тебе, как только придёт. Но пока здесь только я.

Крошка отчаянно замотала головой, давая понять, что и этого позора ей достаточно. Она кивнула на дверь и как-то неожиданно мягко похлопала меня по плечу, намекая, чтобы я удалился.

– Здесь полотенца, там халаты, – распахнул ящик комода под раковиной, в котором лежали запасы зубных щёток. – Я не знаю, что тебе понадобится, но всё, что ты найдёшь, можешь брать.

Она согласно затрясла головой, очевидно, из последних сил терпя. И я вышел...

Услышал, как включилась вода, отсекая всё происходящее за дубовой дверью от меня. Метнулся к столу, чтобы позвонить Герберту, но телефон сел.

– Так, электричество есть, – поставил телефон на зарядку, а пока он недовольно мигал красной батареей, осмотрел придомовую территорию. Снег до сих пор валил, как ненормальный. Видимость была максимум метра два: крупные хлопья не просто падали, они неистово метались, подчиняясь зловещей выюге, закручивающей маленькие снежные ураганы у земли. Собаки лежали в будках, выдавая своё присутствие только мордами с белыми шапками на носках, а по периметру с лопатами шныряли мужики, расчищая тропу обхода.

Телефон завибрировал, возвращая меня в реальность. Экран стал вспыхивать уведомлениями о пропущенных звонках и сообщениями.

Акишев: *«Вадь, дороги пригорода просто заблокированы снегоуборочной техникой. Еду».*

Клара: *«Машина не завелась, но я еду с Марией».*

Ещё несколько сообщений по работе, неизвестные номера, и больше ничего важного. Хотел было набрать Герберта, как из ванной послышался странный грохот. Глухой, будто что-то перевернулось. По инерции бросился туда, но замер у двери.

– Я могу войти?

Тишина...

– Я вхожу!

Толкнул дверь и еле сдержал смех. Весь пол просторного помещения был заполнен огромной шапкой белоснежной пены, будто вьюга добралась и сюда. Крошка лежала в ванне, изо всех сил держась за бортики. Она едва могла ухватиться из-за нескромного размера. С моим ростом и габаритами мне подходят только мини-бассейны, над которыми постоянно ломают голову дизайнеры. А эту и вовсе пришлось делать на заказ.

Крошка виновато улыбалась, сдувая с носа пену.

– Помочь?

Она закивала и опустила голову.

– Достать?

Она вновь в жесте несогласия завертела головой, виновато доставая из-под воды бутылъ шампуня.

– Голову помыть? Хорошо...

Вылил в ладонь остатки белёсой жидкости и стал аккуратно массировать волосы, взбивая крепкую пену, вмиг окрасившуюся в багряный кровавый цвет. Подушечки пальцев ощущали коросты, старался не причинить боли, проходил-ся, едва касаясь. Осматривал характер ран... Такие странные. Они концентрировались вдоль линии роста волос, словно её постоянно тягали за хвост. Подтверждением моих мыслей стали осыпающиеся локоны.

Девчонка захныкала, собирая их из с пены, и затряслась.

– Это всего лишь волосы, а они имеют свойство отрастать, в отличие от зубов.

Крошка вскинула голову. Было видно, как она языком проходится по зубам, словно пересчитывала их.

– На месте?

Она кивнула и сделала нелепую попытку улыбнуться.

– Вот видишь. Значит, всё не так уж и плохо, – включил лейку и стал аккуратно смывать шампунь. – Боюсь, тебе придётся довериться. Слепую я не смогу, но обещаю, что касаться тебя не стану.

Девчонка снова горько вздохнула и повернула хромированный рычаг, отвечающий за слив воды. Я стоял, терпеливо наблюдая, как спускается вода, оставляя на её теле лишь пену. Она робко протянула руку, давая понять, что готова подняться.

Чёрт, сколько она весит? Сорок? Пиздец какой-то... Мой портфель рабочий и то тяжелее. Я встал за её спину, пропустил руки под мышками, невольно проскользнув по груди, и замер... Вернее, сердце замерло. Внутри стал разрываться какой-то странный и совершенно неуместный фейерверк, перебивающий обжигающую волну возбуждения.

Приподнял её и, развернув лицом к стене, стал ополаскивать. Вода ласково струилась по её фигуре, смывая пузырьки, пытающиеся скрыть удивительную красоту: тонкую талию с дерзкой линией задницы. Это было незаконно идеально.

Силы покидали её тело, и она качнулась, успев выставить руки, до сих пор прикрывающие грудь. Я уже сам не мог по-

нять, то ли хочу тщательно омыть её, то ли просто не нахожу сил, чтобы перестать ей наслаждаться. Она – как совершенная работа художника. Таит в себе красоту, идеальность форм и трогательную невинность. И не знаю, сколько бы я так мог простоять, если бы не уловил в зеркальной вставке между пластинами янтарного оникса её странный взгляд... Смотрела смело, не таилась, словно всё это время наблюдала за мной.

Сдёрнул с крючка свой халат и накинул ей на плечи, помогая попасть руками. А небольшое полотенце обернул вокруг головы. По-мужски неумело, за что получил осуждающий быстрый взгляд.

– Прости... Это впервые, – тихо рассмеялся и взял её на руки. А когда уже хотел было выйти, она вновь похлопала по плечу и кивнула на длинную каменную столешницу между двумя раковинами.

Внутри не было раздражения. Скорее любопытство. Усадил её, прислонив спиной к зеркалу во всю стену. Она взяла щётку, сдёрнула упаковку и протянула мне, требуя зубную пасту. Серьёзно? Она очутилась в доме незнакомца, а её волнуют нечищенные зубы? Хотя... В памяти всплыли обрывки университетских лекций по психологии, на которых я постоянно спал, ведь это никак не могло помочь мне покорить этот мир! Мозгу, чтобы не впасть в панику, нужны привычные действия. Самые обычные и простые, возможно, это именно тот случай?

Девчонка быстро-быстро работала щёткой, а потом сплюнула пасту, умылась, слегка нагнувшись над мраморной раковиной.

– Так, здесь тебя никто не тронет, – положил её на кровать, злобно шикнув на кота, которому до моего негодования не было никакого дела. Рыжий ком шерсти медленно переполз к ней на колени и громко замурчал. – Мне тоже нужно в душ.

Срочно! Мне просто срочно нужен ледяной душ!

Я даже не стал дожидаться её реакции, буквально влетел в ванную, срывая с себя одежду, падающую в пену, и встал под ледяные струи воды...

Какого, мать твою? Вьюник, очнись!

А ведь правда. Ощущение сна давило. Движения были заторможенными, а перед глазами до сих пор стоял её силуэт.

Глава 11

Когда тело сбросило эту одуряющую пелену навязчивого возбуждения, меня уже бил озноб. Ледяная вода сделала свое дело, и ненужные мысли вмиг вылетели из моей головы.

Она – несчастная девчонка, попавшая в самую наихудшую ситуацию, а я – тот, кто подобрал её у обочины. Математика проста, можно расходиться...

К моменту, когда я, вместе с негодованием и раздутым раздражением, вышел из душа, оказалось, что девчонка спит. Свернулась калачиком в центре моей кровати, а на её боку важно лежал кот, вмиг ошетилившийся, стоило мне переступить порог ванной.

– Не от того ты её защищаешь... – буркнул я и в сопровождении саркастического внутреннего голоса «От того, от того...», скрылся в гардеробной, а после и вовсе вышел через дублирующую дверь прямиком в коридор.

Убегал, как мальчишка... А от кого? От своих ощущений и едкого внутреннего смеха, разрывающего нутро. Эх, ты посмотри, какой ранимый стал, Вьюга. А не за холодный ли расчет и четко выстроенную стратегию собственной жизни тебя так прозвали?

Ладно, поживем – увидим.

К моменту, когда я спустился на первый этаж, из кухни

уже пахло завтраком, а на заднем дворе происходило распятие. Рус выстроил охрану и, невзирая на снегопад, отчитывал, как нашкодивших мелкашей.

– Вадим Дмитриевич! – вздрогнула Клара, когда я остановился у порога. – Вы меня напугали!

– Герберт приехал?

– Написал, что вот-вот, – женщина шустро запустила кофемашину и стала накрывать на стол, поняв, что я уже никуда отсюда не уйду. – О! Лёгко на помине!

– Вадим, – старик вбежал в дом через чёрный ход и отчаянно начал лупить обувь, сбрасывая комья снега в небольшом тамбуре. – Как она?

– Спит...

– Что? – охнула Клара и присела на стул. – Девочка очнулась? Что сказала?

– Она не может говорить, – признаться, их совместное оханье изрядно бесило меня, учитывая и собственную нелепейшую реакцию. И ведь ничего особенного в ней не было! Курносый нос, веснушки, глаза – озёра, попа – орех... Сука!! – И вообще! Ты врач? Вот иди и лечи, она спит в моей спальне! Клара, завтрак – в кабинет, туда же и Акишева вместе с тонной оправданий. Развели тут курятник...

Я просто не мог больше считать это трогательное переживание в их глазах. И имел на это полное право!

Девка – «икс» в уравнении, итог которого может очень сильно подпортить мне репутацию. Но не вовремя... А ко-

гда вовремя? Когда? Репутация – ресурс невозобновляемый и пиздец какой дорогой, особенно накануне Питерского форума предпринимателей.

– Вадь... – Акишев осекся, поняв по одному лишь взгляду, что дело – дрянь. – Вадим Дмитриевич...

– Садись, Рустам. А теперь у меня несколько вопросов к тебе. Какого, мать вашу, здесь происходит? У меня уйма персонала! Уйма! И на всех – всего один исправно работающий генератор старого советского образца?

– Надежная техника...

– А знаешь, почему она надежная?

– Просветите, Вадим Дмитриевич, – Рус все же сел в кресло, прожигая дыру в дубовом паркете.

– Да потому что за этим раритетом ухаживает Семён, а не гора обслуживающих сторонних организаций. Сегодня же мне на стол все названия оборудования, явки-пароли и фамилии ответственных. Сегодня же!

– Есть...

– По химику что?

– Вадь, ну десяти нет, кого я разбужу второго января?

– Акишев, если завтра ты не принесешь мне хоть одну зацепку, можешь даже не появляться на глаза.

– Свободен? – Рус встал и уже явно приготовился выбежать из кабинета. Не терпел он ни критики, ни вмешательства в исполнение своих обязанностей, потому что всегда все держал под контролем. В такие моменты, когда приходится

напоминать, что мы тут не только дружим, а ещё производим бартерный обмен типа «деньги-услуга», я вспоминаю уроки Нины. Намного проще не приближать персонал, а то приводить в чувства с расстояния пары сантиметров очень неудобно. Я себя ощущаю козлом, а они считают возможным обижаться на меня. Разве я неправ в этой ситуации?

— Ещё нет, — я закурил и открыл плотные портьеры, впуская яркий солнечный свет. — Девка пришла в себя, но ничего не помнит.

— Так давай с ней потолку я? Парочка угроз, и воспоминания потекут весенним ручейком... — Рус вмиг забыл и про обиду, и про то, что собирался гордо покинуть кабинет строго начальника, или вовсе неблагодарного друга. Вспыхнул, как новогодняя елка, и уже потирал ладони от предвкушения... Ну нет, после его допроса пара запутавшихся нариков, подложивших бомбу мне в мерин, перестали употреблять твердую пищу и полюбили корсеты.

— Она не говорит. Из горла — бульканье, а из глаз — слёзы.

— Играет?

— Хер их, баб, знает. Они с равной степенью отдачи готовы и врать со слезами на глазах, и признаваться в неистовой верности, — я замолк, когда в дверь коротко постучали. — Да!

— Завтрак, Вадим Дмитриевич, — Клара была единственной, кто стойко переносил всю тяжесть нашего сотрудничества. Не поднимая на меня глаз, женщина накрыла небольшой кофейный столик у дивана и бесшумно удалилась, даже

не хлопнув дверью.

– Делать-то что? – Рус растерянно смотрел на меня.

– Землю рыть, Акишев. Если окажется, что в моей постели спит эскортница, то мне уже не отмыться. Не в этот раз...

– Тогда я пойду?

– Садись завтракать, пойдет он, – я толкнул по столу тарелку с омлетом. Друг потоптался, а потом скинул верхнюю одежду и присоединился.

– Ты думаешь, химик?

– Я думаю, что надо рыть. Эскортницы бывают разные, некоторые – штопающиеся раза два в год, чтобы срубить бабла с искусственной невинности. И никто не даст нам гарантии, что этот аленький цветочек чем-то от них отличается.

– Но ты говорил, что обертка у неё уж слишком дорогая, – Акишев завис и прищурился.

– А я думаю, что не слишком ли идеально был сыгран этот спектакль?

– Врёт! – возликовал друг и зацыкал, анализируя факты и оценивая обоснованность моих сомнений.

– Легко. А теперь главное – откуда, мать твою, в моем доме кот???

Глава 12

Бессмысленно читал документ. Просто бродил взглядом по ровным строчкам букв вперемешку с цифрами, а все равно видел лишь обнаженный силуэт Крошки.

Кто ты, черт подери! Кто???

Признаться, я был близок к тому, что в предложении Акишева был смысл. Причем много больше, чем в совместном проживании дома с незнакомкой.

Она же могла меня во сне прирезать? Придушить?

Но нет! Это слишком просто для женщины, она лишь околдовала.

Я спрятался ото всех в стенах своего кабинета. Просто закрылся ото всех, пытаюсь привести в порядок свои мысли. А там был разброд полный.

Тело превратилось в оголенный провод, а мысли – в сверкающие молнии, искрящиеся обрывками близости в ванной. И я не мог остановить это безумие.

– Тук-тук... – лёгкий стук отвлек меня от окна, за которым закатное солнце из последних сил пыталось просочиться сквозь неугомонную выюгу, и в кабинет вошла Клара с большими бумажными пакетами. – Вадим Дмитриевич, одежду привезли.

– Клара, ты хочешь, чтобы я одевал девку, что ли? – раз-

дражение выплеснулось само собой.

– Нет, просто отчитываюсь. Вы приказали купить всё необходимое, я это выполнила, – она поджала губы, но лишь для того, чтобы скрыть странную улыбку. А взгляд её был такой теплый, ласковый... Что? Что она там думает? – Герберт спрашивает, где может расположить все свои медицинские побрякушки. Обратно в баню?

– Нет, – воспоминания о тени, бьющейся в остекленном переходе из бани в дом, пронзило сердце холодом. Чуть не заморозил девчонку... – Расположи её в гостевой комнате на своё усмотрение. Герберт останется на ночь?

– Нет, он приедет завтра утром. Ужин готов, кстати. Вам подать сюда?

– Нет, в столовую.

– Тогда через пять минут все будет готово, – женщина снова странно улыбнулась и тихо вышла.

Я в сотый раз набрал Руса в надежде, что он смог нарыть нужной мне информации.

– Вадь, у них тут тоже авария была, – зашептал в трубку Акишев. – Говорят, замкнуло что-то...

– Неужто все записи стёрты? – горько усмехнулся я, буря взглядом карту местности, которую прикрепил к пробковой стене.

– Да, – выдохнул он.

– Тогда уезжай, а напоследок наплети чуши про то, что нас обворовали. Короче, сам придумай.

– Зачем?

– Надо, Акишев, надо...

Действовал скорее по наитию, чем по чётко продуманному плану. А большего мне и не оставили. Девка молчит, ни черта не помнит, а голос, по словам Герберта, вернётся к ней ещё очень нескоро.

Взял маркер и обвёл «Ладью», в которой так отчаянно пытаются спрятать тайну моего найдёныша. Определённо там, теперь-то и сомнений нет. Да и объективно – в такой упаковке она могла идти либо из нашего посёлка, либо оттуда. Больше просто неоткуда. Видео с наших камер Акишев изучил досконально и ничего подозрительного не увидел, посёлок словно вымер накануне Нового года, поэтому даже зацепиться было не за что. А вот там дело нечисто...

Взял телефон и распахнул дверь, почти одновременно с Крошкой, аккуратно вышедшей из комнаты напротив. Ну, Клара... Других же гостевых не было в этом доме, да? Нужно обязательно было поселить её напротив кабинета?

– Привет, – выдавил я, останавливаясь на пороге. Крошка смущённо топталась, оправляя вязанный пуловер, разглаживала складки на широких джинсах и смотрела в пол. Она еле заметно кивнула и хотела было вновь скрыться в комнате, аккуратно отодвигая ногой любопытного котёнка, так и норовящего улизнуть.

– Идём ужинать. Я не кусаюсь.

Девчонка вскинула на меня свои волшебные глаза и улыб-

нулась, а потом достала из заднего кармана маленький блокнотик и ручку.

– Оригинально, – захлопнул дверь и рукой указал путь. Крошка сдёрнула зубами колпачок и стала что-то быстро писать на клетчатом листочке. Но это было неважно... Я, как умалишённый, рассматривал её кукольное лицо и эти чертовски соблазнительные губы в форме бантика, которыми она так крепко держала кусок пластмассы.

«Вы меня правда спасли?»

Девчонка поймала меня за позорным действием, нахмурилась и настойчивее замахала блокнотом.

– Да. Правда. Могу и видео показать, если не веришь. Пойдем, Клара не любит, когда её суп остывает, – машинально взял её за локоть и подтолкнул к выходу из коридора.

Девчонка вновь на ходу стала быстро писать, а потом как-то внезапно развернулась. Я просто впечатался в неё, еле успев выставить руку, чтобы она не упала. Моя ладонь проскользила по тонкой ткани белой футболки, а пальцы застыли на открывшемся участке кожи её талии.

Она задрала голову, распахнула глаза, и я поплыл... В прямом смысле!

Чёрные густые ресницы очерчивали линию лисьего разреза глаз, превращая их в два бездонных колодца родниковой стилой воды, в которых можно было утонуть. В ней всё было прекрасно: от губ до точёного курносого носика с небольшой алой ссадиной на кончике. Она морщилась, по-

дёргивала бровями, а когда поджимала губы, то на подбородке появлялась глубокая ямочка. Кожа её окончательно потеряла синюшный оттенок, а дерзкие веснушки становились всё ярче, придавая её облику детскость. Милый маленький котёнок... Соблазнительная своей чистотой, нежностью и кристально-правдивой трогательностью. Настоящая: смущённая, испуганная, но доверчивая.

И всё это я смог прочитать не только по смазливому личику. Тепло её тела так явно проникало в меня, что жутко становилось. Её чувства, путанные эмоции волнами жара проходились вдоль позвоночника, сплетаясь с неконтролируемым возбуждением. Пора признаться, в её присутствии моя выдержка начинает трещать, как старая ветошь.

– Прости, – я убрал руку, позволив сделать шаг, чтобы разорвать это безумие.

«Спасибо за одежду».

– Носи на здоровье, – я кивнул, мысленно благодаря старика за находчивость. Пусть хоть так общается, а то и правда, как наложница без имени и прошлого.

Мы вошли в столовую, где Клара заканчивала сервировать стол на двоих. Хм... Ну хорошо, пусть так... Но вот вид, с которым она это делала, просто выбивал почву из-под ног. Женщина довольно улыбалась и тихо напевала себе под нос песенку.

– Суп овощной, чтобы набираться сил, – отрапортовала она, отходя от стола. – А на второе – рыба и спаржа под сли-

вочным соусом, Вадим Дмитриевич...

Девчонка вздрогнула и внимательно посмотрела на меня, очевидно, осознав, что имени моего она и не знала.

– Приятно познакомиться, – улыбнулся и сел на своё место.

«Мне уйти? Я вижу, что вы озадачены».

Блокнот вновь показался у меня перед глазами, а девка и не думала присоединяться к ужину. Она топталась за стулом, шевелила босыми пальчиками на ногах и теребила край рукава.

– Ну и куда ты пойдёшь? Ты не помнишь ни имени, ни фамилии, а уж о том, как ты, полуголая, выползла на дорогу, я и вовсе молчу, – захлопнул блокнот, убрал его подальше и кивнул на стул. – Ешь, а потом мы будем думать, что делать дальше.

– Приятного аппетита, – Клара шумно выдохнула, словно боялась, что я могу ответить иначе, и хотела было исчезнуть из столовой.

– Клара Ивановна, быть может, вы мне объясните, откуда в моём доме появился кот?

– Не знаю, – она а плечом и отвернулась, чтобы спрятать свою хитрую улыбку. Хоть я и не видел, но знал. Когда та улыбается, то её уши так забавно подёргиваются, поэтому прятаться бессмысленно. – У Горозии кошка, кажется, окотилась. Может, от них сбежал?

– Ага, сбежал... Через три улицы? – я сомкнул ладони

и подпёр подбородок, внимательно рассматривая странно оживлённую женщину.

– А что? Может, его кто-то напугал? Вадим Дмитриевич, вы хотите что-то спросить конкретное? Или, быть может, вы хотите, чтобы я выбросила несчастного на мороз?

После этих слов хрусталь на столе зазвенел от сильной дрожи девчонки. Она с таким страхом смотрела на меня, сжимая пальцами льняную скатерть, что жутко стало даже мне.

– Так! Всё! Сегодня никто на мороз не пойдёт!

Глава 13

Ужин был странный. Максимально нелепый и тихий. Лишь звон вилок и ножей по итальянскому фарфору, а также противный писк кота, рвущегося из комнаты моей гостьи. Девчонка то покрывалась красными пятнами, то бледнела, смотря на меня так, будто под столом я держал секиру, с которой и планировал идти на кота.

Да и вообще, она сидела словно каменная статуя, боясь пошевелиться, зато страх и недоверие транслировала с добавкой, будто это я её выставил на мороз в одних трусах. От десерта она отказалась, да и глупо на это было рассчитывать, зная, что веса в ней чуть больше сорока килограмм.

Крошка сидела, сомкнув на коленях руки, и смотрела в одну точку в окне, пока я уплетал домашний песочный пирог с вишней. Вот специально медленно отламывал кусочки, выжидая, когда же лопнет её терпение. Но мимо... Она явно планировала прикидываться мёртвой, хотя взгляд её то и дело уплывал в сторону коридора в гостевое крыло дома.

– Ты можешь идти, если хочешь. Тебя никто не держит, – выдохнул я, отставляя тарелку, потому что аппетит пропал. Рассчитывал, что она хоть ради приличия задержится и нацарапает в своем блокноте что-нибудь, но нет! Крошка медленно встала и, опираясь то на мебель, то на стены, скрылась

за дверьми своей комнаты.

Следом ушел и я, машинально спрятался за противоположной дверью, всё чётче осознавая, что веду себя как придурок. Зато честный придурок, не отрицающий того, что тянет меня к ней совсем не по-детски. Тело напрягается, а мозг, наоборот, превращается в крем-суп, где плещутся животные инстинкты.

В доме стояла полная тишина, и даже телефон не раздражал сообщениями, зато часы неумолимо двигались к полуночи. Но я не мог оторваться от результатов анализа её крови, которыми поделился Герберт перед самым уходом. Да там была вся таблица Менделеева! Причём не в минеральном сегменте. Девка была нашпигована наркотой, как игольница. Старик бегло прошелся по пунктам, а на десятом названии новомодной дури я не выдержал и зарычал.

– Наркоманка?

– Не думаю. Вены хорошие, следов нет, – Герберт протирает стекла очков шелковым платком, о чём-то размышляя. – Это букет смертника, Вадим. Наркоманы не всегда падальщики, и если бы дурь была низшей пробы, то я бы мог с тобой согласиться, но это дерьмо отменное, дорогое и зачастую недоступное простым смертным. Я могу поделиться своими предположениями...

– Да знаю я, о чём ты думаешь, – закурил и распахнул окно, впуская морозный воздух и снежную пыль в душный кабинет. – Позабавились, а потом дали смертельную дозу в

надежде, что подохнет, не успев дойти до людей.

– В целом да, – он закивал и стал собирать чемоданчик. – Только забавы тоже специфические. Сексуального насилия не было, зато порезов на ней столько, что я со счёта сбился. Её принуждали к чему-то, понимаешь?

– Пытали? – хмыкнул я.

– Да, но изошрённо, аккуратно, словно какое-то время жизнь её представляла ценность.

– А потом?

– А потом следы замели, нарядили в проститутку и отправили выживать. Зверьё.

Слова старика плотно засели на подкорке, лишь подтверждая мои догадки. И как же всё складно получается! Наркота, химики и посёлок по пути её следования. Вот только когда всё так просто поначалу, потом оказывается, что вели тебя, как слепого котёнка, ровно туда, куда им нужно. А куда им нужно?

– Чёрт! – я выскочил из кабинета и пошёл в спальню. Подальше и от тяжелых мыслей, и от её присутствия, которое не могли утаить даже самые толстые стены особняка.

Принял душ, переоделся и, вырубив свет, лёг спать, вдыхая странную сладость, исходящую от одеяла. Сон был тягучим, тревожным, я то и дело просыпался, проверял время, а чтобы вновь заснуть, приходилось отключать мозг полностью. И вроде даже получилось, но противный писк резанул слух, а по ноге скользнуло что-то тёплое.

Вскочил в кровати, машинально шлёпнул по ночнику, но чуда не произошло. Зато в свете отражающейся от снега луны из окна я заметил Крошку. Она сидела на самом краю моей кровати, смотрела на дверь и тряслась, как отбойный молоток. Не издавала ни звука, снова прижимала рыжий комок к груди и смотрела на приоткрытую дверь, словно оттуда сейчас кто-то должен был выйти.

– Что случилось? – взял в руки телефон, прочитывая уведомления «умного дома», оповещающие меня, что основное питание вновь отключено. Блядь! Да сколько можно-то?

Крошка вздрогнула от моего крика и тихо заскулила, вжимая голову в плечи. Её платиновые волосы рассыпались по спине, скрывая лицо, зато светлые штаны стали покрываться огромными мокрыми кляксами слёз. Прекрасно... Вот только женских слёз моя спальня ещё не видела.

– Ты испугалась?

Девчонка закивала, указывая на окно, где к свету луны прибавились лучи мощных фонарей охраны, очевидно, вышедшей на проверку.

– Слушай, ну я же тебе не нянька, да и ты не ребёнок, чтобы бояться спать одной, – натянул футболку, штаны и встал с кровати, чтобы осмотреться. Посёлок вновь был погружен в полную темноту.

– Да они издеваются надо мной? – договорить я не успел, потому что телефон в руке завибрировал, выдав имя дежурного начальника охраны.

– Говори, что у вас там?

– Шеф, тут такое дело... На этот раз авария вовсе не городская, вскрыли трансформаторную будку посёлка и перерезали провода. Мужики уже везут спецов, скоро всё будет исправлено. Через пять минут запустят генераторы, они протестированы, сбоев не будет.

– Но? – перебил я его рапорт, прекрасно понимая, что после этого непременно должно идти НО.

– Но вокруг дома мы обнаружили следы. Их было трое, ходили вдоль окон, обходя углы, где есть камеры.

– Записи? – я, видимо, слишком резко обернулся в сторону девчонки, потому что она не просто вздрогнула, а подлетела от испуга, а после и вовсе разрыдалась в голос.

– Только после того, как запустят генераторы, Вадим Дмитриевич.

– Ты чего ревёшь? – убрал телефон и стал медленно подходить, а когда между нами оставалось всего несколько шагов, Крошка встала и практически запрыгнула ко мне на руки, делясь крупной дрожью страха.

Сказать, что я был в шоке – ничего не сказать. Она прижалась ко мне, обвила руками шею, а мокрая от слёз щека прислонилась к губам с такой силой, что дышать было трудно. Её руки ещё тряслись от слабости, но, несмотря на это, она из последних сил карабкалась, чтобы не соскользнуть, пока я всё же не подхватил её под задницу. И только тогда она выдохнула с облегчением и повернула голову.

Огромные светлые глаза со слившимися от слёз ресницами прямо в душу заглядывали. А пухлые губы беззвучно шевелились. Смотрел на них, как на маятник гипнотизёра, то ли притворяясь, то ли правда не считывая её робкое «спасибо».

В моих руках она казалась крошечной, невесомой и такой хрупкой, что было страшно. Холодные пальчики уже не впились в шею, а медленно поглаживали саднящую кожу. Дыхание было рваным, нервным, отчего мягкая грудь то прижималась ко мне, то отдалялась, впуская холод в пространство между нами.

Позвоночник превратился в раскалённый провод, передающий сигналы опасности сбивчивой азбукой Морзе. Только поздно... Вдыхал её аромат, неосознанно повторяя частоту вдохов. Сердце пустилось в пляс бьющегося возбуждения, а пах обожгло приливающей кровью.

Ладонями ощущал молодое тело, пальцами впиался в упругую мягкость задницы, не обращая внимания на тонкую ткань пижамных штанов. И вновь это гадкое чувство власти и превосходства прокатилось по венам, заставляя бурлить кровь всё сильнее.

Беззащитная, испуганная, ищущая в моих объятиях спасения... Будоражающая то, что так долго спало. Внутри вдруг словно пламя вспыхнуло... Всё в пепел превратилось: время, условности и тревога. Сгорело, к чертям, оставляя лишь сладость её мимолётных касаний губ.

Прижимал к себе всё крепче, ощущая, как хватка её ног вокруг торса становится сильнее. Кожа рук плавилась от желания сдёрнуть, к лешему, эти тряпки, чтобы увидеть её тело, преследующее всю ночь в жарких снах. Наваждение. Пьяное, назойливое и душное...

Мою крышу срывало. Перед глазами уже опускалась тёмная пелена фантазий, а во рту пересохло от предвкушения украденного поцелуя...

– Чёрт! – прошипел я, когда яркий свет ночника рассёк эту магическую темноту, где мы могли позволить себе намного больше, чем следовало бы.

И морок, словно по взмаху волшебной палочки, рассыпался, оставляя лишь откровенный стыд, засверкавший в её глазах. Она прикусила нижнюю губу и медленно отвернулась, но рук не отпустила, лишь уложила голову мне на плечо, окончательно разрывая контакт.

Я словно на краю бездны побывал, где под ногами соблазнительно переливалась лава, зазывая меня в свои смертельные объятия. Был всего в шаге от собственной слабости...

– Шеф! – голос Акишева раздался с первого этажа, напоминая, что реальность никуда не делась.

– Я сейчас! – крикнул, захлопывая дверь спальни изнутри, и усадил девчонку на кровать.

– Леся... – тихий, как февральская выюга, голос резанул слух. Я дёрнулся, обхватил её лицо ладонями, чтобы убедиться, что не показалось, не почудилось.

– Что? Что ты сказала? Повтори!

– Леся... – с трудом прошептала она, разжимая руки, что так и лежали на моей шее.

– Очень приятно...

Глава 14

– Говори! – рычал я, сбегая по лестнице.

Смотрел в понурое лицо Акишева и медленно истлевал от кипучего гнева. Давно... Как же давно меня не разрывало от чувства уязвимости! Оказалось, что моя крепость вовсе не неприступная, а вполне доступная для недругов.

Придурок...

Расслабился? Да потому что Герберт давно не играл в крестики-нолики на моих ранах, давно я не ощущал на своей шкуре все бреши в безопасности, всё, что недосмотрено и упущено. Зато сейчас всё стало так реально...

Внезапный страх овладел мной, когда чары Крошки... Ле-си развеялись. Осознание, что рядом с моим домом кто-то бродил, что проблемы с электричеством уже невозможно списать на новогодние праздники и медлительность городской администрации, и стало по-настоящему жутко.

Налетел на Акишева, схватил его за грудки и затряс с такой силой, что его челюсть защёлкала от неожиданности. Рус даже не сопротивлялся, смиренно принимал мою ярость. Когда ты вверяешь свою шкуру в чужие руки, то рискуешь многим, потому что его недочёт – твоя жизнь. И её не вернут по гарантийному талону, да и сервисный центр в лице Герберта не всесильный, поэтому Рус и молчал. Впитывал, вбирал и

кивал.

– Акишев, я предупреждал тебя? Предупреждал, чтобы все коммуникации были перенесены на охраняемую территорию? Какой смысл в твоей охране, дорогуших стабилизаторах напряжения и немецких генераторах, если они ни хрена не пашут? Сейчас я камином отапливаюсь, а дальше ты мне дубину в руки дашь, чтобы держал оборону?

– Вадим Дмитриевич, – как только я опустил руки, Рус оправился и сделал шаг назад, чтобы увеличить дистанцию между нами. – Посёлок не дал разрешения на перенос!

– А Каратик тебе на что? Рус, всё, что от тебя требуется – шевелиться и лупить лбом в нужную калитку, но если тебе отказывают, нужно просто сообщить, кто!

– Я понял... – Акишев закивал. – Сегодня же установлю наряд...

– Выюга! – в дом ввалились Каратицкий и Горозия. – Кого чёрта? Говорят, что взломали узел питания!

– Да, – мне хотелось увести их подальше от лестницы на второй этаж, чтобы ещё больше не напугать Крошку. – Это что за дичь происходит? Акишев, ты посмотрел видео?

– К сожалению, да, – Рус вошёл в кабинет следом и положил на стол планшет. – Камеры запитаны от резервных батарей, а этого они не могли знать, поэтому те писали ещё около сорока минут после аварии.

На экране засверкали огоньки искр вдалеке, очевидно, это трансформаторная будка полыхнула, как спичка, а ещё че-

рез несколько минут через забор, где не было собачьих будок, перемахнуло четверо мужчин в белоснежном камуфляже, сливающимся с высоченными сугробами. Один остался стоять на углу, откуда хорошо просматривались и домик охраны, и парадный вход, и ворота подземного гаража, а трое очень аккуратно стали бродить по периметру, как по команде отворачиваясь от камер, будто прекрасно знали их расположение. Было видно, как они поочерёдно заглядывали в комнаты, светили фонариками и делали фотографии на телефон, а потом преспокойно покинули территорию тем же путём. На всё про всё им потребовалось пять минут, чтобы заснять внутреннее расположение комнат. Пять минут, и план дома на их карте памяти...

– Какого хуя! Даже я не знаю, где твои камеры, хотя приобрёл пару седых волос, строя этот дом, а они ж бродят, будто всю жизнь здесь прожили, – взревел Горозия и стал быстро печатать сообщение в телефоне, а через мгновение хлопнула входная дверь, и в кабинет вбежал начальник безопасности Горы, Юра Морозов. – Ты смотрел наши камеры?

– Да, шеф, – Юра быстро сориентировался, оценил бордовую от гнева морду Акишева и вытянулся в струну, чтобы нечаянно не огрести. – Всё чисто, ничего подозрительного.

– А у нас сюрприз, – Рус передал планшет коллеге.

– Значит так! – меня просто душило и выворачивало от всего происходящего.

Я не знал, в какую сторону мне смотреть: то ли это очеред-

ные проделки конкурентов, которым я перешёл дорогу, то ли это последствия проявленного интереса Акишева в посёлке «Ладья». И что-то мне подсказывало, что это последнее...

– Вы сейчас объединяетесь и творите чудеса, парни, потому что именно за это вам и платят. Все узлы коммуникаций должны быть защищены и находиться на охраняемой, контролируемой территории. Сигнализация, датчики движения, смены температуры... Да что я вам это рассказываю? Это ваша работа!

– Ясно, Вадим Дмитриевич.

– У вас есть два дня, и если, не дай Бог, завтра меня что-то побеспокоит, я вас на дыбе подвешу прямо над въездом в посёлок!

– Есть на дыбу, – прошептал Акишев и первым вышел из кабинета.

– Свободен, – Гора тоже кивнул Морозову, ожидая, пока дверь за ними захлопнется. Горозия тоже имел право на гнев, ведь охранные системы наших домов были идентичны, потому что собирались Морозовым и Акишевым по единому принципу. – Рассказывай.

– Что?

– А то, что у тебя на лице написано, что есть чем поделиться.

Я протянул друзьям результат анализов, выслушал ожидаемое присвистывание, а потом поделился и догадкой про Иванецкого, и про то, что Акишев по моей наводке сунулся

в это осиное гнездо посёлка «Ладья».

— Думаешь, то, что вы сунулись с вопросами, и спровоцировало ночной визит? — Гора прошёлся пятерней по взъерошенной гриве и опустил взгляд в пол.

— Я посмотрю, что можно узнать, — Каратик потирал подбородок, наблюдая, как, не дожидаясь рассвета, со двора вывозят снег, явно мешающий обзору территории. — Скажите, братья, а это бич русского человека, да? Мы не шевелимся, пока петух в попку не жахнет?

— Терпеть не могу петухов, — Гора тоже встал с дивана, накинул спортивную куртку. — Так, я скажу Морозову, чтобы помог Рустаму. Две головы всегда хорошо, а ты, если что, звони. Может, в город уедешь?

— Нет. Я никогда не убегая от трудностей.

— Тогда и нам свисти, друг, — Каратик хлопнул меня по плечу и вышел следом за Горой. — Вместе побежим навстречу твоим неприятностям...

Когда друзья ушли, я осталась снова один. Наблюдал за тем, как Акишев пригнал ещё смену охраны, а собак спустили на свободный выгул. Всё правильно... Всё правильно...

Выключил свет и пошёл на второй этаж. Толкнул дверь спальни, вступая в полную темноту. Крошка выключила ночник и уже спала... на моей кровати! Она лежала поверх одеяла, свернувшись в клубок, и обнимала себя руками.

Мог ли я уйти в любую другую из десяти свободных комнат?

Мог.

Мог ли я разбудить её и отправить к себе?

Мог.

Сделал ли так?

Нет...

Вместо этого я достал из шкафа ещё два одеяла, накрыл свою гостью и рухнул на кровать. Её красивое кукольное лицо освещал серебристый свет луны из окна, веки подрагивали, носик то и дело морщился, будто она сердилась в своем сне.

Леся... Она вспомнила? Интересно, а что ещё она вспомнила?

Это были последние мысли, перед тем как я забылся глубоким сном.

Не слышал шорохов. Не беспокоился, что позволил себе заснуть с абсолютно незнакомым человеком. И мне было спокойно...

... Мяу... Мяу...

Этот противный звук застрял где-то в ушах. Как назойливая муха, свербело где-то внутри, разрушая магическую тишину тревожного сна. Распахнул глаза и замер...

Крошка сидела в дальнем углу комнаты и играла с рыжим котёнком длинным шнурком своих штанов.

При дневном свете она казалась ещё меньше... Девочкой-подростком, которой подарили долгожданный шерстяной комок счастья.

– Леся, – тихо прошептал я. – Леся...

Но девчонка даже бровью не повела, а вздрогнула, лишь когда я приподнялся на кровати...

Глава 15

Крошка дёрнулась и прижалась к стене, а на лице её застыла печать испуга.

– Ты давно тут сидишь? – признать, я ожидал, что она мне ответит, но вместо этого она лишь кивнула, шумно сглотнув слюну, будто та комом в горле застряла.

Ох... Эти огромные голубые глаза... На её милом личике они казались просто горными озёрами, в которых таилась глубь, тайна и жуткий страх. Наверное, я придурок, ведь даже если она ничего не помнит, то проснуться в тёмной бане незнакомого дома – то ещё незабываемое ощущение. А я от неё жду радости, что ли? Стоп... Имя-то она вспомнила, вот только не обернулась на него...

– Почему ты не пошла вниз?

Девчонка снова пожалала плечами и опустила голову к котёнку, когда я поднялся с кровати. Странная... Оливье из парадоксов, ей Богу! Сидит у кровати незнакомца, но так натурально смущается при виде оголённого торса. Краснеет, как помидор, но ищет защиты... Лучше бы в себе разобрался, придурок... Сам-то?

– В доме ты можешь быть абсолютно спокойна, кроме Клары, Герберта и начальника службы безопасности, с которым я тебя познакомлю, никто не войдёт. Кстати, этот ржа-

вый усаж нужду куда справляет?

Бинго! Девчонка улыбнулась и махнула в сторону коридора.

– Понятно... Скажу Кларе, чтобы все ковры в химчистку отправила.

– Нет-нет! – она встала на ноги, быстро подбежала и взяла меня за руку. Тянула с каким-то неожиданным упорством и остановилась только возле кошачьего лотка. – Вот.

Она не говорила, не хрипела и не шептала... Звуки, которые она издавала, больше походили на шелест листвы в весенней роще.

– Я понял. Могла бы просто сказать, а не тащить меня к нужнику, – аккуратно вынул руку из её стальной хватки и, развернувшись, отправился в душ. Надеялся, что она пойдёт вниз, но звук босых ног преследовали меня вплоть до двери в ванную.

Врубил душ, скинул одежду на пол и встал под ледяной поток. Мысли хаотичным фейерверком сплетались с воспоминаниями вчерашнего вечера, то запуская гнев, то притупляя его... Злился, что методом тыка понял всю уязвимость своего дома, но тут же успокаивался, понимая, что теперь чётко знаю, что делать дальше.

Когда я вышел в комнату, то немного удивился, что кровать была заправлена, разбросанная с вечера одежда аккуратно висела на спинке кресла, а Леся сидела на широком подоконнике и смотрела в окно.

– Значит, тебя Леся зовут? – вошёл в гардеробную и надел спортивный костюм.

«Мне просто приснилось. Кто-то кричал это имя».

Девчонка уже ждала меня у двери с блокнотом в руках.

– Значит, я могу тебя так называть?

«Уж лучше так, чем Крошка и Девка. Я всё слышала».

– Прости, но на одежде не было бирки с твоим именем, – сел за рабочий стол, включил телефон и ноутбук, чтобы проверить почту.

«Вчера кто-то светил в окно, и я испугалась».

– Я так и понял. Ты говорить до сих пор не можешь?

«Очень больно».

– Скажи Герберту, как приедет. Пусть скорректирует лечение.

«Мне уйти?» – Леся стояла в шаге от меня и то и дело подсовывала под нос блокнот. Как ни странно, но когда она была на виду, мне было спокойно. Да, тело до сих пор помнило вчерашнее смятение и неуместные ощущения, но всё же пусть лучше на глазах. Я в её стиле махнул головой, чтобы она сама определилась, что делать, и вновь сделал вид, что занят чтением бестолковой отписки от юриста.

«Я подожду», – вновь мелькнуло перед глазами, а за спиной послышался шорох. В хромированной настольной лампе отражался её силуэт. Грустный... Поникший... Чёрт! Да что в ней такого-то? Что? Две руки, две ноги, волосы, как первый ноябрьский снег, почти прозрачные, отливающие инеем.

Личико как с картинки? Так я на своём веку повидал этих мосек столько, что иммунитет на всю жизнь вперёд выработался. Не трогают меня больше эти клишированные прелести. Нееет... В ней что-то другое...

– Ты голодна? – не стал поворачиваться, продолжая украдкой подсматривать за ней, как школьник.

– Да, – тихо прошептала она и опустила голову себе на колени. Даже рыжему было понятно, что поработать мне не удастся, оттого он и тёрся о мои ноги, будто из-за меня пропускал порцию молока.

– Так, давай поговорим, пока мы одни? – я развернулся к ней, возможно, слишком резко, раз Леся вскочила и в попытке найти защиту вжалась в стену, путаясь в ворохе портьер. – Ты что-нибудь помнишь?

– Нет...

– Леся, мне нужна отправная точка, понимаешь? Имя, адрес, дата. Хоть что-нибудь?

«Я вспоминаю, но в голове постоянный шум и белое полотно. Помню и ту ночь, когда очнулась в холодном домике, и вчерашний день помню, а до этого пусто».

Леся села в кресло напротив, чтобы было удобнее строчить в блокноте.

«Вы можете дать мне одежду? Я найду отделение полиции. Меня же должны искать?»

– Должны, – кивнул я и закурил, отходя к окну. – Вот только до сих пор ни в одной сводке ты не промелькнула. Но я

могу отвезти тебя в полицию.

Внутри сначала что-то ухнуло... Будто я нашёл идеальное решение. Нет девушки – нет проблем! Но потом сердце сжалось, когда я представил, как ей страшно.

«Если это искали меня, то почему ночью? Почему не постучали в дверь? Почему?»

Она писала-писала... И с каждым новым словом её глаза наполнялись страхом. Чёрт... Девчонка всё это время думала, причём в правильном направлении. Поняла, что даже если это и правда искали её, то этот метод поиска оставлял уйму вопросов. И в спальне она осталась не потому, что так того хотела, а потому что из двух зол она выбрала меньшее.

– Я могу отвезти...

– Не хочу... – выдохнула она и, закрыв ладонями лицо, она горько расплакалась. Слезы падали прямо на листы блокнота, размывая то, что она строчила.

«Мне не страшно только с вами».

– Тогда тебе придётся подождать, – стиснул челюсть. Это ж насколько её напугали, что чувствует защиту она теперь от совершенно незнакомого человека? Девчонка... Трогательная, чувственная, израненная. Отвезти её в участок – самое простое решение, ведь это не мои проблемы. Можно выдать полиции видео с камер регистраторов и забыть всё, как страшный сон, но что-то мне подсказывало, что просто это только на словах.

– Я не могу идти в полицию, – сел обратно в кресло и

посмотрел ей в глаза. – Но есть и другие способы узнать, что с тобой приключилось.

– Вы узнаете?

– Да. А если ты хоть что-нибудь вспомнишь, то это сильно ускорит процесс.

Леся закивала и снова застрочила в блокноте: «Не бросайте меня...».

– Пойдем завтракать, и таракана своего заberi. Кстати, Лесь, я не очень люблю котов, поэтому буду признателен, если ты не будешь пускать его в мою спальню...

Когда мы спустились, то стол был уже накрыт, довольная Клара разливала по чашкам кофе, а в углу стояла миска со сметаной. Рыжее чудище замурчало и бросилось к лакомству, вызвав улыбку на лице старушки.

После завтрака пришёл Акишев с папкой каких-то документов, он понуро застыл в пороге, кивнул в знак приветствия Лесе и направился в кабинет, где ждал меня на диване.

– Извиняться не стану, – захлопнул дверь, отчего Рус подпрыгнул.

– Не за что, Вадим Дмитриевич, – он встал и разложил на столе распечатанные фотографии. – Я полностью ответствен за всё, что случилось.

– А ты не думаешь, что это странно? Чужаки знали, где будки собак, знали расположение камер, знали, что времени у них мало?

– Думаю, конечно. Только поздно уже извилины врубать,

тут действовать надо, – Рус кивнул и сел напротив. – Если ты намекаешь на «крысу», то тогда они бы знали, что камеры не зависят от электроснабжения. А теперь у нас есть две морды, – Акишев достал из папки два снимка, на которых попались некоторые из ночных гостей. – Понимаешь?

– Тогда как?

– Всё оказалось проще простого, – Рустам растирал серое от усталости лицо, видимо, так и не ложился до сих пор. – Вчера мужики заметили дрон над территорией, только не стали сообщать, потому что подумали, что это сынок Довлатова опять терзает новомодную игрушку. Но Довлатов уже неделю как на Мальдивах кости греет вместе со всем своим семейством. Нас с воздуха отщёлкали, Вадь.

– Что дальше?

– Я не поленился и купил беспилотник, воспроизведя его примерный полёт, – Рус достал новую партию фото. – Да, видно камеры, да, можно зафиксировать расположение будок и пунктов охраны, но вот дом практически не просматривается из-за плотного кольца елей. Они поэтому и пришли ночью, потому что не увидели то, что хотели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.